

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 11

«ЗАКАВКАЗЬЕ БЕЗ РОССИИ»

Александра Венглинская

Сезон 11 · материалы № 112–133 из 233 · цикл II

СОДЕРЖАНИЕ

1. Единственное место на земле
2. Баку собирает деньги
3. Эрзерум
4. Декрет шестого декабря
5. Их убили не в бою
6. Пятнадцать тысяч винтовок
7. Девять дней
8. Приказ номер один
9. Март
10. Сентябрь
11. Двадцать шестое
12. Линейка и карандаш
13. Девятнадцать месяцев
14. Записка вместо боя
15. Линкоры против Сочи
16. Та же рука
17. Набережная
18. Два документа одного дня
19. Сто шестьдесят юнкеров
20. Шестнадцатое марта
21. Кто вернулся
22. Четвёртое имя

Единственное место на земле

№ в серии: 112 из 233 · № в сезоне: 1 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
24.04.2027 · ЖЖ: 24.04.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России,
Несокрушимая и легендарная

Двадцать четвёртого апреля тысяча девятьсот пятнадцатого года в Константинополе арестовали армянскую интеллигенцию. Пятью днями раньше, девятнадцатого апреля, в городе Ван начались бои: армянские кварталы окружили, внутри было около семидесяти тысяч человек, из них большинство — беженцы, пришедшие из уездов.

Шестнадцатого мая осаду сняли.

Я начинаю сезон с этой даты, потому что она единственная в тысяча девятьсот пятнадцатом году, когда убийство было остановлено физически. Не нотой, не резолюцией, не заявлением державы. Войсками.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В АПРЕЛЕ

В начале апреля пятнадцатого года Энвер-паша изложил на заседании правительства план в отношении армянского населения империи.

К этому моменту турецкая армия уже проиграла Сарыкамыш: Третья армия потеряла свыше половины состава. Проигрыш публично объяснили изменой армян.

Стоит выяснить, в чём именно состояла эта измена.

Она состояла в симпатии к России и в поддержке русской армии. Ни в чём другом. Обвинение было правдивым — армяне действительно ждали русских, шли в добровольческие дружины и помогали наступающим. Ложным было не обвинение. Ложным был вывод, который из него сделали.

Дальше по порядку.

Сначала армянских солдат разоружили — в собственной армии, в которой они служили по призыву. Потом перевели в рабочие батальоны:

строить дороги, носить грузы. Потом, за довольно короткий срок, перебили. Без объявлений, без приговоров, партиями, в стороне от дорог.

Сперва изъяли оружие. Потом изъяли людей.

В апреле те же русские снова выиграли — при Дильмане, и решающую роль там сыграл отряд армянских добровольцев под командованием Андраника. Двадцать четвёртое апреля — начало последнего звена той же цепочки.

ВАН

Ван называли Армянской Москвой — центром языка, культуры и политической жизни. К весне пятнадцатого туда сошлись беженцы со всего Ванского вилайета.

Оборону возглавил Арам Манукян. Бои шли с девятнадцатого апреля по шестнадцатое мая, в основном в осаждённых кварталах и у Ванской скалы.

Двадцать семь дней.

Что было бы на двадцать восьмой, известно по всем остальным городам вилайета, где никакой обороны не было и никто не пришёл.

КТО СНЯЛ ОСАДУ

Осаду сняли подошедшие части Четвёртого Кавказского армейского корпуса Русской армии и армянские добровольческие отряды.

В конце апреля в Баязетской долине был сосредоточен только что сформированный Араратский отряд — для наступления вглубь Турции и занятия Ванского вилайета. Восемнадцатого-девятнадцатого мая русские вошли в город.

Есть мемуарная деталь, за которую я не поручусь как за документ, но приведу, потому что она стоит целой главы.

Караул у ворот открыл их без единого вопроса — потому что увидел казачьих офицеров в серебряных погонах. В том полку за всю войну ни один офицер не надел погоны защитного цвета.

Люди, просидевшие в осаде двадцать семь дней, опознали своих по блеску.

ВТОРОЕ МЕСТО

Было ещё одно место на земле, где в тысяча девятьсот пятнадцатом году убийство остановили силой. Ровно одно.

Тринадцатого июля каймакам Антиохии отдал приказ о депортации жителей шести армянских деревень у подножия горы Муса-даг. На сборы дали восемь дней; путь лежал в сирийскую пустыню Дейр-эз-Зор.

Шестьдесят семей подчинились. Многие из них погибли.

Остальные — больше шести тысяч человек — поднялись на гору. Руководили Мовсес Тер-Галустян и Ягубян.

Пятьдесят три дня они отбивали атаки регулярных войск и жандармерии.

Про эти дни написан роман, который знают во всём мире, — «Сорок дней Муса-дага» Франца Верфеля.

Сорок в названии — число не документальное, а библейское: сорок дней потопа, сорок лет в пустыне, сорок дней поста. Верфель писал роман, и он имел на это право.

В основу книги легли записи священника Тиграна Андреасяна, который вёл их прямо там, на горе.

По записям выходит пятьдесят три.

Я оставляю пятьдесят три. Не потому, что придираюсь к великой книге, а потому, что весь этот сезон построен на одном правиле: если у нас есть запись очевидца и есть красивое круглое число, мы берём запись.

Даже когда красивое число знает весь мир, а запись — почти никто.

Потом сшили два флага и обратили их к морю. На одном был красный крест. На другом — надпись по-английски: «Христиане в беде: спасите».

Двенадцатого сентября флаг с красным крестом заметил французский броненосный крейсер «Гишен», патрулировавший эти воды. Французы спустили шлюпки, огнём отогнали турок от берега и высадились.

Под прикрытием корабельных орудий с горы сняли **четыре тысячи пятьдесят восемь человек** и вывезли в Порт-Саид.

ДВА СЛУЧАЯ

Их всего два за весь пятнадцатый год.

Ван — суша, русский армейский корпус, сотни тысяч спасённых.

Муса-даг — море, французский крейсер, четыре тысячи пятьдесят восемь.

Обратите внимание, чем эти два случая похожи. В обоих людей спасли не переговоры, не ноты и не сочувствие. Их спасли пушки, оказавшиеся в нужный день на расстоянии выстрела.

Полтора миллиона человек погибли там, где ни одного орудия рядом не оказалось.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

К концу лета пятнадцатого года османско-российскую границу перешли сотни тысяч беженцев. Большинство — армяне. В Закавказье начался гуманитарный кризис такого масштаба, какого этот край не знал.

Их принимали. Как принимали и чем это кончилось — следующий материал.

Здесь скажу только одно, и это единственный вывод, который я делаю сегодня.

Геноцид пятнадцатого года был остановлен ровно там, куда дошли войска. Больше нигде. Ни конференции, ни ноты держав, ни сочувствие европейской прессы не спасли ни одного человека — они появились позже и с ними мы разберёмся к концу сезона, потому что через пять лет те же державы выдадут бумаги, которых не будет обеспечивать никто.

Спасали не бумаги. Спасал Четвёртый Кавказский армейский корпус.

ОГОВОРКА, КОТОРУЮ Я ДЕЛАЮ ОДИН РАЗ НА ВЕСЬ СЕЗОН

Этот сезон — не о том, что один народ хороший, а другой плохой. Он о другом, и об этом надо сказать сразу, чтобы потом не возвращаться.

Через три года на этой же земле будут убивать всех подряд.

Русских солдат, ехавших домой, — на станции Шамхор в январе восемнадцатого. Мусульман — в Баку в марте того же года. Армян — в Баку в сентябре. Азербайджанцев и курдов — в Зангезуре осенью. Армян — в Кайбаликенде летом девятнадцатого и в Шуше в марте двадцатого.

Я не выну из хроники ни одной из этих строк. Ни одну не смягчу и ни одну не увеличу. Там, где источники расходятся втрое, я приведу оба и не буду выбирать.

Потому что доказывать я буду не вину народа. Народы тут ни при чём — они те же самые, что и в пятнадцатом, когда ничего этого не было.

Доказывать я буду отсутствие инстанции.

ОТ СЕБЯ

Мой дед родился в тысяча девятьсот шестом году в деревне Арос под Эрзерумом, в семье строителя.

Деревню сожгли. Жителей перед этим согнали в сарай и подожгли вместе с ним.

Ему было девять. Он уцелел в огне и вышел на дорогу, где увидел кавалерийский разъезд.

Русского он не знал. Ни слова.

Кроме одного.

Он сказал этим людям: **Христос**.

Его поняли. Забрали и переправили в Александрополь, в приют.

Своих он нашёл случайно и много позже.

Это семейное предание, а не документ, и я предъявляю его как предание. Проверить его нельзя.

Но теперь то, о чём в семье говорили редко, а сказать надо.

ОН НЕ РАЗБИРАЛСЯ В ФОРМЕ

Ему было девять лет. Он не знал русского языка и не знал, как выглядит казак.

Он вышел на дорогу и увидел вооружённых людей верхом. Всё.

А по тем местам в те месяцы ходили и другие вооружённые люди верхом. Иррегулярные отряды, в том числе курдские, — те самые, что участвовали в том, что произошло с его деревней и с десятками соседних.

Отличить одних от других он не мог. Ни по форме, ни по языку, ни по чему.

Если бы на той дороге оказались не те всадники, он сказал бы им ровно то же самое слово.

И оно было бы последним.

Наша семейная история кончилась бы там. Совсем.

И ещё одно.

Кто были эти всадники и почему они оказались именно на той дороге — я долго не задумывалась. Казаки и казаки.

Пока не свела семейное предание с картой фронта.

К этому вернусь в третьем материале.

ПОЧЕМУ Я ОБ ЭТОМ ПИШУ

Потому что иначе выйдет рассказ про чудо, а это был не чудо.

Это был случай. Монета, подброшенная на дороге под Эрзерумом.

У девятилетнего ребёнка не было ни выбора, ни возможности разобраться, ни третьего варианта. Не было полиции, к которой бежать. Не было суда, куда пожаловаться. Не было власти, которой предъявить, что с его деревней сделали.

Был только один вопрос, и решался он не им: **кто именно окажется на этой дороге вооружённым.**

Вот и весь сезон, в одной сцене и за девять лет до всего, что в нём будет дальше.

Там, где на дороге оказывалась русская армия, люди оставались живы. Там, где вооружённым оказывался кто-то другой, — нет.

Одно слово, которого хватило, чтобы мальчик с сожжённого пепелища и русские кавалеристы поняли друг друга без переводчика, — это и есть то, из-за чего он был жив, а его деревни не стало.

Я не буду ничего объяснять про способ. Через двадцать шесть лет он повторится на нашей земле, в наших деревнях, и вы знаете названия.

Я знаю, как выглядит разница между тем, где стояла русская армия, и тем, где её не было.

Она выглядит как человек, доживший до семьдесят седьмого года.

Первый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — два сбора на беженцев в одном городе, армянский и мусульманский, и один адрес, через который шли оба.

Баку собирает деньги

№ в серии: 113 из 233 · № в сезоне: 2 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
26.04.2027 · ЖЖ: 26.04.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Двадцать первого мая тысяча девятьсот пятнадцатого года бакинская газета «Каспий» вышла с заголовком на первой полосе: «Сегодня день помощи армянским беженцам».

В тот же год и в том же городе Бакинское мусульманское благотворительное общество вело сбор в пользу беженцев-мусульман из Карсской области.

Оба сбора шли через один и тот же адрес.

ТИФЛИС, ПРИЁМНАЯ НАМЕСТНИКА

Чтобы получить разрешение собирать пожертвования в пользу карсских беженцев, мусульманскому обществу понадобилось послать в Тифлис особую депутацию — к наместнику графу Воронцову-Дашкову. Доступ, по свидетельству участников, оказался нелёгким.

Отмечаю эту деталь специально, потому что она снимает лишнюю умильность. Никто никому ничего не подносил на блюде. Ходили, добивались, ждали в приёмных, жаловались на бюрократию.

Важно не то, что было легко. Важно, что было куда идти.

КУДА ШЛИ ДЕНЬГИ

Дальше — цифры, и они говорят сами.

В сентябре пятнадцатого года по распоряжению министра внутренних дел Кавказское наместничество перевело средства на счёт комитета мусульманского благотворительного общества.

Восьмого февраля шестнадцатого года Кредитная комиссия Особого совещания по устройству беженцев приняла решение отпустить комитету Бакинского мусульманского благотворительного общества триста тысяч

рублей — на покрытие уже произведённых расходов по оказанию помощи беженцам-мусульманам и на предстоящие.

Депутат Четвёртой Государственной думы М. Ю. Джафаров добивался у правительства ассигнований на открытие приютов для беженцев-мусульман Кавказа.

По ряду свидетельств, это общество спасло от гибели двенадцать тысяч сирот.

Весной шестнадцатого года в Баку были размещены две тысячи четыреста двенадцать армянских беженцев,.

В октябре пятнадцатого при наместнике Кавказа создана специальная канцелярия уполномоченного Кавказского фронта по размещению беженцев.

ОДНО ВЕДОМСТВО

Сложите это вместе.

Армянский день сбора пожертвований в Баку. Мусульманская депутация в Тифлис. Триста тысяч рублей мусульманскому обществу через Особое совещание. Приюты, которых добивается мусульманский депутат в русской Думе. Канцелярия при наместнике, размещающая всех.

Одна казна. Одно совещание. Один наместник.

Я не утверждаю, что империя была доброй. Я утверждаю проверяемое: у беды был адрес, и он был один на всех.

О СЛОВАХ, КОТОРЫЕ Я БУДУ УПОТРЕБЛЯТЬ

Здесь надо остановиться и договориться о терминах, иначе весь сезон будет читаться неверно.

Народ, который сегодня называется азербайджанским, в тысяча девятьсот пятнадцатом году так не назывался.

Перепись восьмьсот девяносто седьмого года фиксировала «татар». Сами себя называли тюрками. Русские документы и газеты того времени пишут «мусульмане», «мусульманское население». Перепись двадцать

шестого года даст «тюрок». Наименование «азербайджанцы» будет закреплено при обсуждении Конституции СССР в тридцать шестом и войдёт в перепись тридцать девятого года.

Отсюда моё правило на весь сезон, и оно простое.

Говоря о событиях восемнадцатого — двадцатого годов, я пишу «мусульманское население», «мусульманские отряды», «мусульманские фракции» — так, как писали тогда, и так, как это фиксируют документы обеих сторон.

Говоря о государстве, я пишу «Азербайджанская Демократическая Республика», «азербайджанская сторона», «азербайджанская историография» — потому что речь о государстве и о его позиции, а не о крови.

«Закавказские татары» я употреблять не буду, хотя это и термин эпохи. Он сегодня используется почти исключительно как укол, а сезон не для уколов.

То же правило работает в обе стороны. «Дашнаки» — это партия, а не армяне. «Мусаватисты» — партия, а не мусульмане. Правительство может быть дашнакским, народ дашнакским не бывает.

И ещё одно. До двадцать третьего года я пишу «Османская империя» и «османские войска». После двадцатого, когда речь о правительстве в Анкаре, — «войска Великого национального собрания». Это разные силы, и смешивать их значит не понимать, что происходило.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА, БЕЗ КОТОРОЙ УЗЕЛ БЫЛ БЫ ВРАНЬЁМ

Тот же аппарат в прифронтовой полосе работал и по-другому.

В пятнадцатом году Али Мардан-бек Топчибашев ездил в Тифлис, Кутаиси и Батум, собирая документы об обстоятельствах расстрела мусульман Аджарии. По собранному он пришёл к выводу, что аджарцы стали жертвой антитюрокской политики России: тысячи по доносам попали в тюрьмы по обвинению в государственной измене, сотни

деревень были разрушены, в Батумской области тысячи стариков, женщин и детей стали беженцами.

Это изложение азербайджанской стороны, и я привожу его как её показание, а не как установленный факт. Проверить его по русским фронтовым документам я не могу и не буду делать вид, что могу.

Но выкинуть — тем более не буду.

Государство, у которого шла война и через границу которого шли сотни тысяч людей, вело себя в прифронтовой полосе как воюющее государство: подозревало, арестовывало, выселяло. Обе вещи верны одновременно. Оно принимало беженцев и оно же создавало беженцев.

Разница с тем, что начнётся через три года, не в чистоте. Разница в том, что Топчибашев поехал собирать документы и предъявлять их. Ему было кому предъявлять.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОТОМ

Теперь самое интересное, и я прошу задержаться на этом абзаце.

Мамед Эмин Расулзаде с пятнадцатого года издаёт в Баку газету «Ачыг сёз», объявившую своей главной задачей решение национального вопроса.

Мамед Юсиф Джафаров сидит в Четвёртой Государственной думе и выбивает у русского правительства деньги на приюты.

Али Мардан-бек Топчибашев ездит по губерниям, собирает свидетельства и пишет обвинение.

Через три года Расулзаде провозгласит независимость Азербайджана, Топчибашев поедет от него на Парижскую конференцию, Джафаров станет министром иностранных дел.

В пятнадцатом году они не в подполье. Они издают газеты, заседают в парламенте, добиваются ассигнований и подают жалобы.

Они внутри.

Точно так же внутри — армянские комитеты, добровольческие дружины, чьё формирование санкционировал тот же наместник, и

грузинские общественные деятели, из которых через три года выйдет правительство Жордания.

Все будущие основатели трёх государств в пятнадцатом году работают в одном контуре и решают вопросы через один и тот же Тифлис.

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ

В восемнадцатом году в этом же Баку случится март. Потом сентябрь. Одни и те же кварталы, одни и те же улицы, те же общины, которые тремя годами раньше собирали деньги — каждая для своих — и шли с этим в один и тот же Тифлис.

Между двумя картинами не изменилось ничего в людях. Люди те же самые, и часть из них — буквально те же самые, поимённо.

Изменилось одно.

Исчез адрес.

Не стало приёмной, куда можно послать депутацию. Не стало казны, из которой выделяют триста тысяч. Не стало совещания, которое решает, и наместника, который подписывает. Не стало инстанции, которой предъявляют документы о расстреле в Аджарии — и которая обязана на них ответить.

Осталось оружие, розданное в январе восемнадцатого на станции Шамхор. Но это уже следующая часть.

ЧТО ДАЛЬШЕ

В шестнадцатом году русская армия войдёт в Эрзерум и Трапезунд, и беженцы начнут возвращаться в дома, из которых их выгнали.

Об этом — послезавтра. И о том, кто в приютах, где к семнадцатому году считали детей десятками тысяч, обратно не поехал.

Второй материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — Эрзерум, взятый зимой за несколько суток, и беженцы, пошедшие обратно в дома, из которых их выгнали.

Эрзерум

№ в серии: 114 из 233 · № в сезоне: 3 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 28.04.2027 · ЖЖ: 28.04.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

Шестнадцатого февраля тысяча девятьсот шестнадцатого года русская армия взяла Эрзерум.

Крепость считалась неприступной, штурмовали её зимой, в горах, при морозе, и взяли за несколько суток. Операцией командовал Николай Николаевич Юденич.

Через два месяца, восемнадцатого апреля, взяли Трапезунд. К лету — Эрзинджан, Муш, Битлис.

Западная Армения оказалась под русским управлением.

ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЛО НА ЗЕМЛЕ

Оно означало вещь, которую в разговорах о тысяча девятьсот пятнадцатом годе почти никогда не проговаривают.

Люди поехали обратно.

После Февраля семнадцатого Временное правительство провело мероприятия, позволившие части западноармянских беженцев вернуться в занятую русскими войсками Западную Армению.

Не всем и не везде. Но поехали. В дома, из которых их выгнали, в сёла, где два года назад убивали их родню. Единственной гарантией, под которую они ехали, было то, что фронт стоит.

Ни бумаги, ни договора, ни международного признания у этой гарантии не было. Была линия окопов и стоявшая на ней армия.

ПЕРВАЯ ПОЛОСА И ВТОРАЯ

Первого ноября пятнадцатого года иллюстрированный журнал «Искры» вышел так: на первой полосе — портрет Юденича, на второй — положение беженцев в Закавказье.

Эти два сюжета шли в одном номере не по редакционной случайности. Для читателя тогда они были одним сюжетом: вот кто наступает — вот кого он вытаскивает.

Мы это разделили. Военная история отдельно, гуманитарная катастрофа отдельно, поминовение отдельно. В пятнадцатом году так не разделяли, потому что видели связь напрямую.

ДРУЖИНЫ

К началу войны с Османской империей были сформированы четыре добровольческие дружины — две с половиной тысячи человек и шестьсот в резерве. Командовали Андраник Озаян, Драстамат Канаян, Амазасп Срванцян, Аршак Гафаян. К концу четырнадцатого добавились ещё две — под командованием Вардана Ханасори и Григора Авшаряна.

Шли отовсюду: из Закавказья, с Северного Кавказа, из Ростова, Нахичевани, Крыма, Бессарабии, из Закаспия и Туркестана, из Румынии, Болгарии, Египта и Америки. Ехали в Тифлис записываться.

К октябрю семнадцатого на фронте стояли уже две армянские дивизии.

Запомните эту цифру. Через два месяца от неё останется корпус, который будет числиться на бумаге и не будет существовать на местности, а ещё через пятьдесят пять дней в эти горы пойдёт турецкая армия.

ЧЕГО ЭТО СТОИЛО

Русская армия платила за Кавказский фронт так же, как за все остальные.

Не буду выстраивать здесь баланс — он не нужен и был бы неприличен. Скажу одно: ни одно из решений тысяча девятьсот пятнадцатого и шестнадцатого годов, спасших сотни тысяч человек, не было принято из гуманитарных соображений. Это были военные операции с военными целями. Эрзерум брали не ради беженцев.

Но результат от намерения не зависит.

Про это стоит помнить, когда через пятнадцать материалов мы дойдём до конференций, где будут выдавать бумаги из соображений

исключительно гуманитарных — и не спасут ими ни одного человека.

Спасает не намерение. Спасает присутствие.

ГДЕ ВООООЩЕ БЫЛ ЦЕНТР

Тут надо сказать вещь, которая сегодня звучит неожиданно.

Ереван в начале века был захолустным губерньским городом. Армянское большинство в нём было, но с небольшим перевесом. Ни университета, ни промышленности, ни капитала.

Армянская жизнь Российской империи шла не там. Она шла **в Тифлисе и Баку** — там были газеты, банки, театры, гимназии, партии, нефтяные конторы и купеческие дома. Армяне составляли в этих двух городах значительную, а местами и основную часть деятельного населения.

А исторический центр — города и монастыри Западной Армении, Эрзерум, Ван, Битлис, Муш — оставался в Османской империи.

Именно его и уничтожили. Системно, за несколько лет, вместе с людьми.

То, что после двадцатого года стало Республикой Армения, — это остаток. Клочок Араратской долины, закрепившийся по остаточному признаку, без своего центра, без своих городов и почти без своего населения.

Из этого остатка через полвека вырастет то, чего у этого народа не было за всю его историю. Но это последний материал сезона.

ОТ СЕБЯ

В первом материале я рассказала, как девятилетний мальчик вышел на дорогу к вооружённым всадникам и сказал им единственное известное ему русское слово.

Теперь то, чего я не знала, пока не сверила семейное предание с картой фронта.

В пятнадцатом году русских казаков под Эрзерумом быть не могло.

Линия фронта проходила примерно в сотне вёрст восточнее. Весь Эрзерумский вилайет оставался турецким, и уничтожение его армянского населения шло в глубоком турецком тылу — туда не доходила ни одна русская часть.

Разъезды появились там в конце января — феврале шестнадцатого.

ПОЧЕМУ ОНИ ТАМ ПОЯВИЛИСЬ

Двадцать восьмого декабря пятнадцатого года началась Эрзерумская операция. Сначала Кёприкейское сражение, потом штурм крепости.

В прорыв Юденич ввёл конницу: **Сибирскую казачью бригаду и полки Пятой Кавказской казачьей дивизии**. В резерве штурма стояли Сибирская и Вторая Оренбургская казачьи бригады.

Шестнадцатого февраля взяли Эрзерум. Преследование разбитой Третьей турецкой армии шло до второго марта, пока фронт не остановился в семидесяти-ста верстах западнее города.

Всё это время по дорогам вилайета ходили казачьи разъезды.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Всадники, которым мой дед сказал слово «Христос», оказались на той дороге **не случайно**.

Они оказались там потому, что за несколько недель до этого Юденич прорвал стокилометровый укреплённый рубеж и разгромил турецкую армию, стоявшую на нём больше года.

Между приказом по Кавказской армии и жизнью моего деда — прямая связь. У неё есть дата, номер операции и фамилия командующего.

Это не провидение. Это войсковая операция.

ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ

Точной даты, когда сожгли Арос, в семье не называли. Говорили: сожгли, согнали в сарай, ему было девять, подобрали казаки.

Я могу сказать только то, что следует из карты фронта: встретить казачий разъезд под Эрзерумом он мог не раньше конца января шестнадцатого года.

Насилие над остатками армянского населения вилайета шло и в те самые недели — при отходе разбитой турецкой армии, когда регулярные части откатывались, а иррегулярные отряды действовали свободно.

Так что деревню могли сжечь и тогда же, в ту зиму, за считанные дни до дороги.

Дальше начинается область, где у меня нет ничего, кроме догадок. Догадки я в этот текст не ставлю — ни здесь, ни в остальных девятнадцати материалах.

ВОВРЕМЯ

Русская армия дошла до его деревни.

Для деревни — на год позже, чем было нужно.

Для него — вовремя.

В неё он не вернулся: возвращаться было некуда и не к кому. Его увезли на восток, в Александрополь, в приют.

И О ВЕРЕ

Мой дед стал настоящим большевиком — идейным, не по анкете. В его доме не было ни икон, ни крестов, ни единого предмета культа.

Но безбожником, я думаю, он не был никогда.

Для армян вера — не совсем то, что культ. Это часть истории народа, неотделимая от неё: письменность, алфавит, книги, монастыри, четыре века, когда государства не было, а церковь была. Отделить одно от другого не получается даже у самых убеждённых атеистов.

А у него к этому добавлялось своё.

Он один раз в жизни произнёс это слово по-настоящему — девятилетним, на дороге, людям на лошадях. И остался жив.

Такое не проходит. Даже через партийный стаж.

ЧТО ДАЛЬШЕ

К концу семнадцатого фронт стоял глубоко на турецкой территории. Беженцы возвращались. Две армянские дивизии держали свой участок.

А в Тифлисе в это время уже подготовили документ, который всё это отменит.

О нём — послезавтра.

Третий материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — декрет, которым за один день разобрали армию, стоявшую против турок.

Декрет шестого декабря

№ в серии: 115 из 233 · № в сезоне: 4 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 30.04.2027 · ЖЖ: 30.04.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

Пятого декабря семнадцатого года в Эрзинджане подписали перемирие с турками.

Шестого декабря издали декрет, которым разобрали армию, стоявшую против турок.

Между двумя решениями — один день и один и тот же орган власти.

КТО ИЗДАЛ

Пятнадцатого ноября семнадцатого года, через три недели после Октября, в Тифлисе сформировали Закавказский комиссариат. Возглавил его меньшевик Евгений Гегечкори. В состав вошли меньшевики, эсеры, дашнаки и мусаватисты — то есть все четыре силы края, кроме большевиков.

Первым делом Комиссариат официально отделил Закавказье от Советской России.

Власть его распространилась на весь край. Кроме Баку — там ещё второго ноября советская власть была установлена мирным путём, без единого выстрела.

ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ

Перемирие в Эрзинджане подписал командующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Пржевальский — от имени Закавказского комиссариата.

За пять дней до этого, тридцатого ноября, тот же Пржевальский издал приказ о формировании Добровольческого армянского корпуса. Командующим назначили генерал-лейтенанта Фому Назарбекова,

начальником штаба — генерал-майора Евгения Вышинского, бывшего командира Тринадцатого гренадерского Эриванского полка.

Пока всё выглядит осмысленно: заключают перемирие, чтобы выиграть время, и переформируют войска.

ШЕСТОЕ ДЕКАБРЯ

Декрет Закавказского комиссариата предписал демобилизацию солдат и офицеров, не желающих служить в пределах Закавказья в формируемых национальных корпусах.

Общее командование национальными частями поручили генерал-лейтенанту Илье Зурабовичу Одишелидзе.

Механика прописана в специальной литературе прямо и без оговорок: национальные части создавались либо на базе существовавших, либо путём расформирования бывших русских частей с передачей их вооружения и снаряжения национальным.

То есть русский полк расформируют, а его винтовки, пулемёты и орудия передают формируемому национальному.

ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Известие о декрете вызвало массовое оставление позиций и стихийную самодемобилизацию — в источнике сказано: похожую на бегство.

Оружие увозили в эшелонах. Или бросали на месте.

К концу семнадцатого ушли в тыл V Кавказский армейский корпус и большая часть подразделений IV Кавказского.

Линии, на которых предстояло стоять оставшимся: Грузинский корпус — от Батума до Байбурта, Армянский — от Байбурта до персидской границы.

Общая численность формируемых национальных корпусов — не свыше тридцати тысяч человек.

Тридцать тысяч на линии от Чёрного моря до Персии. Там, где стояла армия.

ДРУГОЙ ДЕКРЕТ

Двадцать девятого декабря семнадцатого года Совет народных комиссаров в Петрограде опубликовал за подписью Ленина декрет «О Турецкой Армении».

В нём объявлялось право армян занятой русскими войсками Турецкой Армении на свободное самоопределение вплоть до полной независимости. И устанавливался ряд гарантий: вывод российских войск и формирование армянского ополчения, свободное возвращение в Турецкую Армению беженцев и изгнанных, установление границ демократически избранными представителями армянского народа.

Сравним два документа. Оба — про уход русской армии. Разница вот в чём.

Тифлисский декрет распускает войска и раздаёт их оружие.

Петроградский предусматривает уход при условии, что на месте ушедших встанет ополчение, а люди смогут вернуться домой.

И тифлисский вышел на двадцать три дня раньше.

ЧЕСТНО ДО КОНЦА

Ополчение по петроградскому декрету тоже сформировано не было.

Третьего марта восемнадцатого года Брест-Литовский договор обязал Советскую Россию очистить Ардаган, Карс и Батум — области, взятые в семьдесят восьмом.

Оба центра уходили. Разница не в том, что один остался, а другой ушёл. Разница в том, что каждый из них записал на бумаге, когда уходил.

Один думал о людях, которые останутся. Другой думал о том, как поделить имущество.

Это, кстати, единственное, чем документы вообще бывают полезны историку: они показывают не результат, а предмет размышления.

ЧЕГО ЛИШИЛИСЬ

Чтобы понять масштаб, надо назвать, что именно распускали.

Кавказский фронт к концу семнадцатого года удерживал линию длиной около семисот вёрст — от Чёрного моря до персидской границы. За ним стояли Эрзерум, Трапезунд, Эрзинджан, Ван, Муш и Битлис, взятые в шестнадцатом году. На занятой территории работала русская военная администрация, туда возвращались беженцы.

Всё это обеспечивалось армией, в которой к моменту декрета оставались десятки тысяч штыков — потрёпанных, разложенных агитацией, но существующих и стоящих на позициях.

Заменить их предполагалось тридцатью тысячами, разделёнными на три корпуса по национальному признаку и подчинёнными командующему, назначенному тем же декретом.

Ни один военный, писавший тогда докладные по фронту, не считал такую замену возможной. Докладные сохранились. Решение приняли вопреки им.

Это, кстати, повторится дословно ещё дважды за сезон: под Кютахьей в двадцать первом, где полковник Спиридонос напишет про снабжение, и в Карсе в двадцатом, где приказ отдадут вопреки очевидному.

Профессионал называет ограничение письменно и заранее. Политическое решение проходит поверх.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ДНЕЙ

Тридцатого января восемнадцатого года турецкие войска, воспользовавшись развалом фронта и нарушив условия перемирия, начали крупномасштабное наступление.

Пятьдесят пять дней от декрета до наступления.

Перемирие, подписанное шестого декабря в Эрзинджане, не продержалось и двух месяцев. Армии, которая могла бы заставить его соблюдать, к этому времени не существовало — её расформировали своим же распоряжением.

ДЕСЯТОЕ ФЕВРАЛЯ, ТИФЛИС

Пока турки шли вперёд, Закавказский комиссариат занимался внутренними делами.

Десятого февраля восемнадцатого года в Тифлисе расстреляли митинг в Александровском саду. Санкция исходила от Комиссариата.

В тот же день начал работу Закавказский сейм — законодательный орган, созданный после разгона Учредительного собрания. Председателем избрали Николая Чхеидзе.

Первым делом расстреляли митинг. Вторым — открыли парламент. В один день.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО

Русскую армию на Кавказском фронте не разбили.

Её разобрали.

Это разные вещи, и вторая хуже — потому что делается своими, по бумаге, за подписью, в рабочем порядке, и потом никто не может назвать день поражения, потому что поражения не было.

И ещё одно, о чём послезавтра.

Оружие расформированных русских частей никуда не делось. Пятнадцать тысяч винтовок, семьдесят пулемётов и два десятка орудий одного только январского эпизода — это то, чем в Закавказье будут убивать друг друга следующие три года.

Его раздали.

Четвёртый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — эшелоны, шедшие домой, и станция Шамхор, на которой их остановили.

Их убили не в бою

№ в серии: 116 из 233 · № в сезоне: 5 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 02.05.2027 · ЖЖ: 02.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

Они ехали домой.

Война для них кончилась — не по их решению, а по чужому, но кончилась. Эшелоны шли по единственной дороге: Тифлис — Елисаветполь — Баку, дальше на Дербент и в Россию.

Их остановили на станции Шамхор — примерно в двухстах верстах от Тифлиса. До Дербента оставалось ещё около шестисот.

То есть в самом начале пути.

ПРИКАЗ

Шестого января восемнадцатого года было направлено письмо за подписью Ноя Жордания, предписывавшее разоружать возвращающихся с фронта русских солдат.

Жордания впоследствии авторство отрицал. Этот вопрос я не закрываю: одна сторона утверждает, другая опровергает, и решить его по имеющимся материалам нельзя.

Зато следующее звено не оспаривает никто.

Министр внутренних дел Закавказского комиссариата Ной Рамишвили отдал приказ задержать эшелоны на станции Шамхор.

Операцией разоружения руководил полковник князь Магалов. Бронепоездом Закавказского комиссариата — с грузинским экипажем — командовал Абхазава.

На станцию были подтянуты Татарский полк «Дикой дивизии» и Пятый Елисаветпольский стрелковый полк под командованием полковника Сулейман-бека Эфендиева.

Это важно назвать поимённо. Разоружение вели не толпа и не стихия. Его вели регулярные части с командирами, по приказу министра, при

поддержке бронепоезда правительства.

ДЕВЯТОЕ — ДВЕНАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Пути перед Шамхором были частично разобраны. К девятому января у станции скопилось до пяти составов, которые не могли идти ни вперёд, ни назад.

Дальше — по телеграммам с линии. Они сохранились, и я приведу их почти без обработки.

Десятое января, два часа двадцать минут, из Аджикабула. «На перегоне Шамхор — Елисаветполь три эшелона солдат со стороны Дикой дивизии частью обобраны, отобрано оружие, сняты орудия. Идёт бой. Много больных, раненых и убитых. Необходима большая помощь». Подпись: начальник эшелона прапорщик Курочкин.

Десятое января, восемь часов сорок минут, оттуда же. «Положение печальное. Первый эшелон Третьей горной батареи пропущен, остальные эшелоны не пропускаются. Есть жертвы. Броневи́к разбит. Пропущено шесть эшелонов. Последний эшелон номер сто двадцать. Остальные эшелоны идут походным порядком».

«Идут походным порядком» — это значит пешком. Зимой. Разоружённые.

ЧТО ТАМ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Теперь свидетельство членов Краевого Совета Альтмана и Иванова — оно объясняет, почему это не было простым разоружением.

Второй, третий, четвёртый и половина пятого эшелона были обезоружены. Но когда бронепоезд подошёл к эшелону с артиллерийской батареей, батарея открыла огонь. Первым выстрелом был убит командир бронепоезда Абхазава и несколько человек при нём. Вторым выстрелом бронепоезд был разбит.

И вот после этого на станции Шамхор началось побоище.

В нём участвовали и мусульманский корпус, и население станции.

Раненых — двести человек. Число убитых, сказано в том же свидетельстве, не подсчитано.

Оно не подсчитано до сих пор.

Запомните последовательность. Пока шло разоружение — были жертвы и был бой. Резня началась после того, как разоружаемые подбили бронепоезд и убили его командира.

Это не оправдывает. Это объясняет, почему счёт пошёл на тысячи, а не на десятки: к военной операции добавилась месть за своего, а мстить было уже некому — вооружённых не осталось.

ПОЖАР

Дальше про огонь, и здесь я обязана развести установленное и спорное.

Установленное — по свидетельству А. А. Столыпина, «Записки драгунского офицера».

Были сожжены составы нескольких эшелонов. Заодно ограблен и сожжён пассажирский поезд из Тифлиса — часть пассажиров убита, много женщин изнасиловано.

И отдельной строкой у Столыпина: **сгорел чудесно оборудованный санитарный поезд.**

Санитарный. Тот, в котором везли раненых. Тех, кто уже не мог ни стрелять, ни бежать, ни сдаться.

Под Шамхорским мостом остались пять потерпевших крушение составов: три воинских, один пассажирский и ещё один, превратившийся в груды искорёженного металла. По обеим сторонам полотна были открыты окопы, из которых расстреливали сидящих в вагонах.

Окопы — это не стихия. Окопы роют заранее.

Спорное — кто поджёг нефть.

На станции стояли нефтяные цистерны. Они горели. Русская сторона говорит, что их подожгли нападавшие, и что в разлившейся горячей нефти погибали раненые из санитарного поезда и уцелевшие пассажиры

разграбленных составов. Азербайджанская сторона утверждает обратное: цистерны и пассажирский поезд взорвал большевистский бронепоезд.

Я не могу закрыть этот спор и не буду делать вид, что могу.

Скажу то, что не оспаривает никто. **Нефть горела. Санитарный поезд сгорел. Люди, которые не могли уйти, остались в огне.** Чья рука поднесла огонь — предмет столетнего спора. Что раненные сгорели заживо — не предмет спора вообще.

СВИДЕТЕЛЬ

Есть очерк, написанный человеком, который через это прошёл. Станислав Едиевский, «Шамхорская трагедия», газета «Баку», номер от тридцать первого января восемнадцатого года — то есть через три недели после событий.

Цитирую то немного, что позволю себе процитировать дословно.

«До станции Шамхор оставалось версты три, и мы гурьбой, как стадо, потянулись туда. И по дороге татары грабили всех, у кого что-либо осталось. А позади — пожар, валяются трупы убитых, стонут раненые... Многие шли впереди в одних рубашках, голодные, ограбленные, избитые... Состоятельные сделались нищими, здоровые потеряли здоровье, стали калеками».

Слово «татары» здесь — из текста восемнадцатого года. Я его не меняю и менять не буду: это цитата, а в цитатах язык источника остаётся как есть. Своими словами я пишу иначе, и почему — объясняла во втором материале.

Только со стороны одних солдат он насчитывает шестьсот убитых и раненых — на своём участке, в своей колонне.

Три версты пешком до станции. В рубашках. В январе.

Убивали безоружных. Убивали больных и раненых, ехавших в тех же составах. Убивали тех, кто попал на станцию случайно, из других поездов.

То же самое произошло на станциях Акстафа, Далляр, Джульфа, Евлах, Хачмас, Алабашлы. По всей магистрали.

Оценки числа погибших расходятся. Обзорные своды дают от тысячи до двух с лишним. «История пролетариата СССР» тридцать четвёртого года и работа Соболева шестьдесят седьмого — свыше двух тысяч. Националистическая публицистика доводит до шести.

Шесть тысяч я не привожу: цифра не подтверждается и в рассуждение не идёт. Работаю с диапазоном от тысячи до двух с лишним.

Это солдаты, которых отправили домой и убили по дороге.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Оружие, снятое с этих эшелонов, никуда не делось. Пятнадцать тысяч винтовок, семьдесят пулемётов, два десятка орудий — это то, чем в Закавказье будут убивать друг друга следующие три года.

О том, кому оно досталось и что пошло по этой дороге после Шамхора, — послезавтра.

Пятый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — пятнадцать тысяч винтовок, снятых с этих эшелонов, и три года, которые они проработали на этой земле.

Пятнадцать тысяч винтовок

№ в серии: 117 из 233 · № в сезоне: 6 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
04.05.2027 · ЖЖ: 04.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России,
Несокрушимая и легендарная

Разоружились не все. И это меняет всю картину январских дней.

НЕ ВСЕ ДАЛИСЬ

Когда мусульманские отряды напали на последний эшелон и захватили батарею, солдаты с соседних составов её отбили. Следующую группу составили стрелковые полки Пятой Кавказской дивизии — они прошли район разоружения **с боем**, отразив несколько нападений.

У кого оставалась артиллерия, тот ею пользовался. Азербайджанская сторона записывает, что восьмого января станция Шамхор и прилегающие сёла были обстреляны, а на путях взорваны нефтяные цистерны и пассажирский поезд. Это их изложение, и я привожу его как их изложение.

ЧТО ПОШЛО ПО ДОРОГЕ ДАЛЬШЕ

Весть о Шамхоре шла впереди эшелонов.

Части, ещё двигавшиеся по Закавказью, теперь знали, что их ждёт на каждой станции. Они шли с оружием наготове и отвечали при первой угрозе. Иногда — при первом подозрении на угрозу.

Я не буду делать вид, что это непонятно. Люди видели, что сделали с ранеными из их собственных составов. Человеческого основания у них было более чем достаточно, и осуждать их я не берусь.

Но назвать вещь надо.

Мсть — единственный механизм правосудия, который остаётся, когда исчезает суд.

По замыслу она не хуже и не лучше него. Она хуже по устройству. Суд отделяет виновного от невиновного, а мсть этого не умеет: она работает

по адресу, а не по вине.

С января восемнадцатого года на этой железной дороге все начали отвечать за всех.

И первыми заплатили те, кто к приказу из Тифлиса не имел никакого отношения. Жители станций. Часть из них двумя днями раньше перевязывала раненых.

Вот так это и начинается. Не с плана и не со злодея.

С оправданного чувства и отсутствия суда.

ЧТО ПОЛУЧИЛИ

Теперь то, ради чего всё делалось.

По данным Цатура Агаяна, в результате разоружения было получено около пятнадцати тысяч винтовок, семидесяти пулемётов и порядка двадцати орудий.

Эту оценку я привожу с особым удовольствием — потому что она не нуждается в защите. Тадеуш Свентоховский, работавший в Кембридже, и Алекс Маршалл, издававшийся в Routledge, оценивают эпизод так же: боевое крещение формирующихся национальных сил и решающее пополнение вооружением.

Советская, азербайджанская и англоязычная академическая традиции по этому пункту не спорят. Спорить не о чем — цифры лежат в отчётах.

Пятнадцать тысяч винтовок. Это на две пехотные дивизии.

ЧТО ФИКСИРУЮ ОТДЕЛЬНО

Переговоры с русскими военными вели активисты Национального совета Гянджи. Они оказались безрезультатными.

Известны случаи, когда местные жители оказывали медицинскую помощь раненым русским солдатам. Среди них — представители семьи Рафибековых.

Пишу это не для смягчения и не ради баланса.

Пишу потому, что это правда, и потому, что она важнее всего остального в материале.

Событие не было единодушным порывом населения. Приказ пришёл из Тифлиса — за шестьсот вёрст. Исполняли вооружённые отряды. А жители станции перевязывали раненых.

Если бы дело было в народе, перевязывать было бы некому.

ОТЧЕГО ЭТО ВОЗМОЖНО

Соберём цепочку от начала.

Шестого декабря декрет предписывает расформировать русские части и передать их вооружение национальным корпусам.

Солдаты уходят с позиций — стихийно, эшелонами, с оружием на руках, потому что никакого организованного порядка сдачи никто не установил.

Через месяц выясняется, что по краю движется несколько десятков тысяч вооружённых людей без командования, а формируемые национальные части оружия почти не имеют.

И тогда декрет исполняют вторым способом. Тем, который в декрете не написан, но из него следует.

Передачу вооружения производят на путях.

ЧЕГО ЗДЕСЬ НЕТ

В этой истории нет ни одного момента, когда кто-то принял решение убивать русских солдат как русских.

Была задача изъять оружие. Был приказ задержать эшелоны. Был бронепоезд, потому что иначе эшелон не остановишь. Дальше сработала арифметика: несколько тысяч вооружённых людей, которым велят выйти из вагонов и сдать винтовки, часть из них не выходит, и после первого выстрела уже не важно, кто его сделал.

Я не оправдываю. Я показываю, что специального умысла не требуется.

Достаточно убрать инстанцию, которая раньше это регулировала, — и всё остальное сделает логика положения.

Так будет весь сезон. Ни в марте в Баку, ни в декабре в Борчалу, ни в марте в Шуше не понадобится злодей с планом. Понадобится только отсутствие того, кто разводит.

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ПОСЛЕ ЯНВАРЯ

До января восемнадцатого ни одна из формирующихся вооружённых сил Закавказья не располагала артиллерией и пулемётами в количестве, достаточном для полевых действий. Национальные корпуса существовали на бумаге и были вооружены кое-как.

После января — располагали.

Всё, что произойдёт в следующие три года на этой земле, будет сделано этим оружием. Армяно-грузинская война в декабре. Карабах. Зангезур. Обстрел бакинских кварталов. Отряды в Шуше.

Из винтовок, которые везли домой солдаты Кавказского фронта.

КУДА ОНО УШЛО

Проследим за этими винтовками, потому что дальше весь сезон — про них.

Формируемые национальные корпуса к январю восемнадцатого существовали в основном на бумаге. Людей набирали, а вооружать было нечем: русские части уходили со своим оружием, и склады фронта уходили вместе с ними.

После января корпуса получили матчасть.

В апреле-мае этим оружием пытались остановить турецкое наступление — безуспешно, потому что тридцати тысяч человек на линии от Чёрного моря до Персии мало, сколько их ни вооружай.

В июне его частью сдали по Батумскому договору, обязавшись немедленно демобилизоваться.

А то, что не сдали, осталось в национальных частях. И в декабре восемнадцатого из этих винтовок стреляли под Шулавери — армяне в грузин и грузины в армян.

В марте двадцатого — в Шуше.

Оружие Кавказского фронта, снятое с русских эшелонов в январе восемнадцатого, проработало на этой земле ещё три года. Каждый раз против кого-нибудь из тех, кого оно раньше защищало. три закавказских правительства подпишут в Батуме договоры с Османской империей. Одним из пунктов дополнительного договора будет обязательство немедленно приступить к демобилизации собственных вооружённых сил.

То есть армию, ради вооружения которой всё это делалось на станции Шамхор, распустят по требованию Турции.

Через пять месяцев после того, как её вооружили.

Об этом — послезавтра.

Шестой материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — девять дней между провозглашением независимости и договором, отдавшим Батум, Ардаган и Артвин.

Девять дней

№ в серии: 118 из 233 · № в сезоне: 7 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
06.05.2027 · ЖЖ: 06.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Двадцать шестого мая восемнадцатого года Грузия провозгласила независимость.

Четвёртого июня подписала договор, отдавший Турции Батум, Ардаган, Артвин, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды — и обязавший её немедленно приступить к демобилизации собственной армии.

Девять дней.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО ЭТОГО

Двадцать второго апреля восемнадцатого года Закавказский сейм провозгласил Закавказскую Демократическую Федеративную Республику.

Провозгласил с прямой и честно названной целью: выступить единым суверенным субъектом на переговорах с Османской империей. Турки отказывались вести дела с образованием без государственного статуса — статус изготовили.

Кабинет возглавил Акаки Чхенкели, соединивший посты премьера и министра иностранных дел.

Федерация просуществовала тридцать четыре дня.

ПОЧЕМУ ОНА РАСПАЛАСЬ

Не из-за интриг и не из-за личных счётов. Причина зафиксирована в позициях самих фракций, и она проста до неприличия.

Грузинские социал-демократы искали покровительства Германии.

Мусульманские фракции ориентировались на Османскую империю.

Армянские силы настаивали на вооружённом сопротивлении туркам — потому что для них это был вопрос физического выживания, а не внешнеполитического выбора.

Три ориентации на трёх разных внешних покровителей. Внутри одного правительства. Ведущего одни переговоры.

Пятнадцатого мая Ной Жордания и германский генерал Отто фон Лоссов уже тайно договорились о независимости Грузии — до всякого роспуска Сейма. Такая же договорённость к тому моменту была у турецкой делегации с мусаватистами.

То есть федерация, созданная для единого голоса, разошлась по кабинетам за одиннадцать дней до собственного роспуска.

КАРС

Пока это происходило, шло турецкое наступление.

В апреле восемнадцатого глава Сейма и будущий премьер федерации Акаки Чхенкели отдал распоряжение о сдаче крепости Карс.

Крепость взяли в семьдесят седьмом году, штурмом, ночью, потеряв убитыми и ранеными около двух с половиной тысяч человек. Она сорок лет держала замок кавказского пограничья.

Её отдали распоряжением.

Пятнадцатого апреля турецкие войска заняли Батум. Тоже без боя.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ МАЯ

Двадцать шестого мая Грузия объявила о выходе из федерации. Акт о независимости зачитал Ной Жордания.

Двадцать восьмого мая независимость провозгласили Азербайджан и Армения.

В тот же день, двадцать восьмого мая, в Потти был подписан договор с Германской империей об установлении германского протектората над Грузией.

День независимости и день протектората — одна дата.

ЧЕТВЁРТОЕ ИЮНЯ, БАТУМ

Через семь суток в Батуме подписали договоры «о мире и дружбе» между Османской империей и каждой из трёх республик.

Грузия отдала Батум, Ардаган и Артвин, а сверх условий Брест-Литовского договора — ещё Ахалцихский и Ахалкалакский уезды.

Армения отдала, помимо Карсской, Ардаганской и Батумской областей, Ахалкалакский уезд, часть Ахалцихского, Сурмалинского уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского. Эти земли Турция удерживала до конца мировой войны.

Обратите внимание на слово «сверх». Брест-Литовский договор, который закавказские правительства не признавали и объявили недействительным, они же взяли за исходную точку — и подписали больше, чем в нём было.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР

В тот же день подписали второй документ. Он короче и важнее первого.

Статья первая. Немедленно приступить к демобилизации вооружённых сил.

Статья вторая. Турция и её союзники получают право пользоваться стратегическими железными дорогами.

Пять месяцев назад ради вооружения этих армий останавливали эшелоны на станции Шамхор. Пятнадцать тысяч винтовок, семьдесят пулемётов, двадцать орудий.

Теперь армии предписано распустить. По требованию стороны, у которой их и добывали.

Дороги, по которым везли то оружие, переданы в пользование той же стороне.

СТАТЬЯ, О КОТОРОЙ СТОИТ СКАЗАТЬ ОТДЕЛЬНО

В армянском Батумском договоре есть пункт, который я прошу прочесть дважды.

Османская империя получала право оказать правительству Армении помощь силою оружия по его просьбе.

Это подписано четвёртого июня восемнадцатого года — меньше чем через две недели после Сардарапата, Баш-Апарана и Каракилысы, где армянское ополчение остановило продвижение на Ереван. И через три года после того, как та же империя уничтожила армянское население собственных вилайетов.

Юридически формула означает следующее: если правительству Армении понадобится защита, оно вправе обратиться за ней к Турции.

Я не собираюсь это комментировать. Комментировать тут нечего.

кто подписывал

Стоит назвать людей, потому что дальше они будут встречаться весь сезон.

Со стороны Грузии — Акаки Чхенкели, тот самый, кто месяцем раньше распорядился сдать Карс, и Ной Рамишвили, тот самый, кто в январе отдал приказ задержать эшелоны в Шамхоре.

Со стороны Армении — Александр Хатисян, которому через два с половиной года предстоит подписать Александропольский договор.

Со стороны Азербайджана — Мамед Эмин Расулзаде, ещё три года назад издававший газету в Баку, и Али Мардан-бек Топчибашев, ещё три года назад ездивший к наместнику с жалобами.

Все они за одну неделю подписали то, что подписали. Никто из них не был ни предателем, ни глупцом.

Просто у людей, оказавшихся во главе государств без армий, выбор состоял из того, что предлагали те, у кого армии были.

что это было

Три государства, которым в сумме двадцать три дня, за одну неделю раздали:

территорию — Турции; протекторат — Германии; железные дороги — обеим; собственные армии — под роспуск.

И ни одно из трёх правительств не действовало под принуждением сверх обычного. Все три вели переговоры, торговались и подписывали то, что считали для себя наилучшим из возможного.

Наилучшее из возможного выглядело так, потому что возможного больше не было.

Полугодом раньше на этом рубеже стояла армия. Её распустили декретом шестого декабря. Всё, что подписано в Поти и Батуме, — прямое следствие, отсроченное на полгода.

Суверенитет без силы, которая его обеспечивает, — это не суверенитет. Это право подписывать.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Через месяц после Батума грузинские войска войдут в Абхазию, а потом займут Сочи и Туапсе — русские города за шестьсот вёрст от Тифлиса.

Армия, которую по договору положено демобилизовать, пойдёт на север.

Об этом будет отдельный материал. А послезавтра — о человеке, который Батумский договор подписывать отказался и объявил занятый им уезд частью России.

Седьмой материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — генерал, отказавшийся признать договор собственного правительства и объявивший занятый им уезд частью России.

Приказ номер один

№ в серии: 119 из 233 · № в сезоне: 8 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
08.05.2027 · ЖЖ: 08.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России,
Несокрушимая и легендарная

Четырнадцатого июля восемнадцатого года армянский генерал, отказавшийся признать договор собственного правительства, объявил занятый им уезд неотъемлемой частью Российской республики.

И в тот же день отправил радиотелеграмму в Баку.

КТО ЭТО БЫЛ

Здесь нужна биография, иначе документ читается неправильно.

Андраник Озanian начинал как федаин в девяностые годы позапрошлого века — в Османской империи, где за это полагалась виселица. Дальше Сасун, оборона монастыря Аракеоц, эмиграция.

В Первую Балканскую войну командовал армянской ротой в болгарской армии и получил от Болгарского царства воинский крест.

В четырнадцатом году возглавил первую добровольческую дружину на Кавказском фронте. В апреле пятнадцатого его отряд решил дело при Дильмане.

За личное мужество в боях пятнадцатого и шестнадцатого годов он получил **Георгиевскую медаль IV степени, Георгиевские кресты IV и III степени, орден Святого Станислава II степени с мечами и орден Святого Владимира IV степени.**

В шестнадцатом и семнадцатом, находясь в Тифлисе и на Северном Кавказе, собирал помощь армянским беженцам, участвовал в первом съезде западных армян и издавал газету «Айастан» — в противовес дашнакской печати, которую обвинял в том, что она вводит людей в заблуждение.

К концу семнадцатого сформировал Западноармянскую дивизию — около четырёх тысяч человек разных национальностей, начальник штаба

полковник Зенкевич. Дивизия вошла в состав Армянского корпуса.

Двадцать третьего января восемнадцатого года он получил чин генерал-майора.

Русской армии.

Через две недели после Шамхора, от страны, которая в этот момент уже разбиралась по частям.

Вот кто в июле восемнадцатого подписал приказ номер один. Не полевой командир, обратившийся к далёкой державе. **Русский генерал-майор, распорядившийся территорией в пользу армии, в которой служил.**

К лету восемнадцатого у него под рукой оставалось ополчение в три-пять тысяч человек, а за ополчением шли тысячи беженцев из османских вилайетов — те, кому некуда было возвращаться.

ЧЕГО ОН НЕ ПРИНЯЛ

Батумского договора он не признал.

Логика его была не идеологической. Он рассуждал как военный: республика, подписавшая соглашение, по которому Турция получает право оказывать ей вооружённую помощь, а собственная армия подлежит немедленной демобилизации, — это не государство, а заложник. Защитить она не может ни его отряд, ни беженцев, ни себя.

И он сделал то, что в его положении было единственным осмысленным.

ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН

Четырнадцатого июля восемнадцатого года он издал приказ, объявивший Нахичеванский уезд неотъемлемой частью Российской республики.

В тот же день ушла радиотелеграмма в Баку — руководителю Бакинской коммуны.

Разберём, что это значит.

Человек, воевавший всю сознательную жизнь за армянскую независимость, летом восемнадцатого года пришёл к выводу, что единственная её гарантия — быть частью России.

Не по убеждению. Он не был ни красным, ни сочувствующим, и в Баку писал не единомышленникам.

По арифметике. Он сложил численность своих сил, численность турецких, содержание подписанного его правительством договора — и получил результат.

КУДА ЭТО УШЛО

Никуда.

Республика, которой адресован приказ номер один, на этой земле в июле восемнадцатого не существовала. Она ушла отсюда в декабре семнадцатого — по декрету. Бакинская коммуна продержится до конца июля, а в сентябре её руководителей расстреляют на двести седьмой версте.

Приказ повис. Он остался документом о намерении, не имевшим адресата.

Это, по-моему, самая точная иллюстрация того, о чём весь сезон: не «Россия бросила», а «России здесь уже не было, когда к ней обратились».

ОБРАТНАЯ СТОРОНА, И ОНА ТЯЖЁЛАЯ

Теперь то, без чего этот материал был бы агиткой.

Осенью восемнадцатого отряды Андраника действовали в Зангезуре. По азербайджанским подсчётам, к октябрю было разгромлено сто пятнадцать селений, убито семь тысяч семьсот и ранено около двух с половиной тысяч человек из мусульманского и курдского населения, около пятидесяти тысяч бежали вглубь Азербайджана.

Цифры принадлежат заинтересованной стороне. Я привожу их как её счёт, а не как установленный факт: независимой проверки у меня нет.

Но порядок величины косвенно подтверждается самим масштабом исхода, и разрушения вызвали протест турецкого командования в Ереване.

Одновременно и симметрично: в сентябре — октябре восемнадцатого турецкие и азербайджанские силы устанавливали контроль над армянскими районами Карабаха. Двадцать пятого сентября Шушу без сопротивления заняли турецкие войска.

НЕ ВЫБИРАЮ

Я не буду решать, кто начал. Обе стороны предъявляют свою хронологию, и обе хронологии начинаются раньше, чем хронология противника.

Я фиксирую положение.

Летом и осенью восемнадцатого года на территории между Гёйчей и Араксом действовали вооружённые отряды нескольких сил. У всех было оружие — то самое, розданное декретом и добытое на станциях в январе. Ни у одной не было над собой инстанции, способной остановить.

Андраник — не злодей и не святой. Он полевой командир, за которым идут тысячи людей, потерявших всё, и который отвечает за то, чтобы они дожили до зимы. В такой должности принимают решения, за которые потом судят.

Судить его я не берусь. А вот заметить, что должность эта появилась ровно тогда, когда исчезло государство, — берусь вполне.

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ПРИКАЗ ДОШЁЛ

Ничего.

Даже если бы радиотелеграмма легла на стол в Москве и была принята к исполнению — сил, чтобы её обеспечить, не было. Красная армия придёт в Закавказье через двадцать один месяц, и придёт сначала в Баку, а не в Нахичевань.

Приказ номер один интересен не последствиями. У него их нет.

Он интересен тем, что показывает, о чём думал в июле восемнадцатого человек, лучше всех на этом театре понимавший военное положение.

Он думал о том, как вернуть Россию.

ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ ДЛЯ НЕГО

Досказать надо, потому что иначе получится, что человек просто исчез из хроники.

В апреле девятнадцатого под британским нажимом он вывел отряд из Зангезура к Эчмиадзину и распустил его. Воевать дальше было не с чем и не за кого: правительство, которому он не подчинялся, договаривалось с теми, против кого он воевал, а англичане, распоряжавшиеся театром, в нём не нуждались.

Дальше — Европа. Франция дала ему в девятнадцатом орден Почётного легиона, Греция в двадцатом — Военный крест.

С двадцать второго года он жил в Соединённых Штатах, в калифорнийском Фресно. **Занимался земледелием.** Собирал пожертвования для армянских беженцев и сирот.

Умер тридцать первого августа двадцать седьмого года близ города Чико в Калифорнии, от сердца.

Последние его слова записаны: **«Я не успел завершить своё дело».**

ЕЩЁ ОДНА ТАКАЯ БИОГРАФИЯ

К концу сезона мы дойдём до генерала Квинитадзе — георгиевского кавалера, командовавшего обороной Тифлиса, который сорок девять лет прожил под Парижем, производя и продавая мацони.

Два человека, воевавшие друг против друга. Оба — офицеры русской армии. Оба кончили одинаково: чужая страна, мелкое хозяйство, ремесло не по чину.

Я не свожу их в пару ради красивого оборота. Я показываю, что произошло с **военным сословием** этого края, когда исчезло государство, которое его сделало.

Их не разжаловали и не осудили. Их обесценили — вместе с армией, вместе со званиями, вместе с самой службой, которая перестала иметь

адресата.

Фресно и Шату под Парижем — это одно и то же место.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Через восемь месяцев, в январе девятнадцатого, английское командование утвердит в Карабахе и Зангезуре генерал-губернатора. А ещё раньше, в декабре восемнадцатого, английские офицеры остановят того же Андраника в сорока километрах от Шуши — запиской.

Об этом — в четырнадцатом материале сезона.

А послезавтра — Баку, март восемнадцатого.

Восьмой материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — Баку, март восемнадцатого: разоружённый экипаж «Эвелины» и уличные бои через шесть дней.

Март

№ в серии: 120 из 233 · № в сезоне: 9 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
10.05.2027 · ЖЖ: 10.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Двадцать четвёртого марта восемнадцатого года в Баку разоружили мусульманский экипаж парохода «Эвелина».

Через шесть дней в городе шли уличные бои с корабельной артиллерией и гидроаэропланами.

ГОРОД

К марту восемнадцатого Баку оставался единственной точкой Закавказья, не подчинявшейся Закавказскому комиссариату. Власть в городе со второго ноября семнадцатого принадлежала Совету во главе со Степаном Шаумяном — она была установлена мирным путём, без выстрела.

Вокруг — край, отделившийся от России. Внутри — город, от неё не отделившийся.

И в этом городе одновременно стояли вооружённые формирования нескольких сил. Части Совета. Отряды «Дашнакцутюн». Вооружённые группы, связанные с «Мусаватом». Остатки фронтовых подразделений, до России не доехавших.

Все вооружены. Все — из одного источника: январь, станции, эшелоны.

ЧТО ЗА ПАРОХОД

«Эвелина» пришла в Баку в двадцатых числах марта. На борту были военнослужащие мусульманской дивизии, возвращавшиеся в город.

Бакинский совет распорядился их разоружить.

Логика Совета понятна и по тем временам обыкновенна: вооружённая группа входит в город, где власть держится на балансе нескольких отрядов, и не подчиняется никому из городских органов. Разоружить её — рутинная мера, которую в те месяцы применяли все и ко всем.

Логика противоположной стороны понятна не меньше. После января восемнадцатого разоружение перестало быть административной процедурой. Все на этом театре уже знали, чем оно кончается на станции Шамхор.

Одно и то же действие означало для двух сторон разные вещи, и обе были правы.

Через шесть дней город горел.

ТРИДЦАТОЕ МАРТА — ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Три дня.

Бакинский совет действовал в тактическом союзе с «Дашнакцутюн» — это признаётся всеми традициями и никем не оспаривается.

По городским кварталам работала артиллерия судов Каспийской флотилии. С воздуха — гидроаэропланы.

Жертвы были массовыми и преимущественно среди мусульманского населения.

Соотношение сил называют по-разному, но порядок величин не оспаривается: у Совета вместе с союзными ему армянскими отрядами — несколько тысяч бойцов, у противоположной стороны сопоставимо или больше. То есть это был не разгон и не карательная операция. Это был **городской бой между сравнимыми силами**, в котором одна сторона располагала артиллерией и флотом, а другая нет.

Именно это и определило число жертв. Не чья-то особая жестокость, а корабельные орудия в черте города.

Тридцать первого марта Мусульманский национальный совет принял условия Бакинского совета. Первого апреля бой прекратился.

ЦИФРЫ

Здесь я обязана остановиться и объяснить, что делаю, потому что дальше пойдёт неудобное.

Чрезвычайная следственная комиссия при правительстве Азербайджанской Демократической Республики называет до двенадцати тысяч погибших.

Обзорные своды дают порядка трёх тысяч и выше.

Собственный отчёт Шаумяна: свыше трёх тысяч с обеих сторон.

Разброс вчетверо.

Первая цифра получена органом, который создало правительство, для которого мартовские события были главным политическим основанием его существования. Третья — отчёт руководителя той стороны, чьи действия оцениваются, о самом себе.

Обе — показания заинтересованных сторон. Ни одна не является установленным фактом.

Я не выбираю между ними и не свожу к среднему. Среднее арифметическое из двух пристрастных оценок — не истина, а третья пристрастная оценка, только без автора.

Установленным считаю то, что не оспаривает никто: жертвы были массовыми, преимущественно мусульманскими, и по жилым кварталам города работали корабельные орудия и авиация.

Этого более чем достаточно.

ПОЧЕМУ ЭТО НЕ СВОДИТСЯ К «КТО ВИНОВАТ»

В марте восемнадцатого в Баку столкнулись не два народа. Столкнулись несколько вооружённых организаций в городе, где не было ни одной силы, обладавшей монополией на оружие.

Совет считал, что подавляет вооружённый мятеж. Мусаватисты считали, что отражают нападение на мусульманское население. Обе стороны по-своему были правы, и именно поэтому дело кончилось трёхдневным городским боем.

Спор о том, кто выстрелил первым, идёт сто девять лет. Он не решится и здесь.

Решается другое, и это можно проверить.

Три года назад в этом же городе обе общины собирали деньги для собственных беженцев — армянский день сбора и мусульманская депутация в Тифлис. Помогали каждая своим. Но разрешение, деньги и разбор спорных вопросов шли через одну инстанцию, а не через артиллерию.

Изменились не люди. Изменилось то, что спор стало некому решать, а средства для его решения силой у всех появились в январе.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Функциональное последствие марта не оспаривает ни одна историческая школа, и я приведу его в той формулировке, в какой оно стоит у Тадеуша Свентоховского — исследователя, работавшего по документам царской канцелярии на Кавказе и бакинского генерал-губернаторства.

Мартовские события заставили азербайджанскую элиту отказаться от автономии в составе демократической России в пользу полной государственной независимости.

До марта восемнадцатого «Мусават» добивался автономии в составе России. После марта — независимости и союза со Стамбулом.

От первого апреля до четвёртого июня, когда в Батуме будет подписан договор с Османской империей, — шестьдесят четыре дня.

ЧТО Я УТВЕРЖДАЮ

Не то, что события марта были кем-то спланированы ради этого результата. Никаких данных об этом нет, и я их не предъявляю.

Утверждаю связь, которую видно по датам.

Требование автономии в составе России держалось ровно до тех пор, пока Россия воспринималась как защита. Три дня артиллерийского огня по жилым кварталам это восприятие уничтожили.

И тогда защиту стали искать там, где её обещали. В июне обещание оформили договором, по которому надо было немедленно распустить собственную армию и передать железные дороги.

Через полгода выяснится, чего это обещание стоило. Но об этом — послезавтра, и это будет самый тяжёлый материал сезона.

ОДНО ЗАМЕЧАНИЕ В СТОРОНУ

Я пишу это, отдавая себе отчёт, что материал прочтут в трёх странах и в каждой найдут в нём то, чего там нет.

Поэтому скажу прямо.

Я не считаю, что в марте восемнадцатого в Баку была правая сторона. Я считаю, что там не было арбитра, и потому все стороны оказались вооружёнными участниками уличного боя в большом портовом городе.

Через пять с половиной месяцев в том же городе будут убивать других, и убивать больше. И это тоже будет в сезоне, на том же месте и с тем же разбором.

Я обещала в первом материале не вынимать ни одной строки. Пока держу слово и намерена держать его до девятнадцатого.

Девятый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — тот же город в сентябре: ушедшие на кораблях англичане и сутки, за которые он пал.

Сентябрь

№ в серии: 121 из 233 · № в сезоне: 10 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 12.05.2027 · ЖЖ: 12.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Четырнадцатого сентября восемнадцатого года британские войска погрузились на корабли и ушли в Энзели.

Город пал на следующие сутки.

КАК АНГЛИЧАНЕ ОКАЗАЛИСЬ В БАКУ

В июле восемнадцатого Бакинский совет утратил власть. Её приняла Диктатура Центрокаспия — и первым делом обратилась за военной помощью к британскому командованию.

Четвёртого августа в Баку прибыли первые британские подразделения. За ними — отряд «Данстерфорс» под командованием генерал-майора Лионеля Данстервиля.

Отряд был мал: около тысячи человек. Против него шла Кавказская исламская армия Нури-паши, усиленная османскими регулярными частями, — по разным оценкам, от двенадцати до пятнадцати тысяч.

Оборонявшихся формально было больше, но это были разнородные отряды без единого командования: части Диктатуры Центрокаспия, армянские формирования, остатки фронтовиков.

Британское командование это положение оценило сразу и, судя по дальнейшему, обороны города всерьёз не планировало.

Двадцать шестого августа англичане четырежды отбили атаки у грязевого вулкана. Поддержки не получили и отошли.

Через девятнадцать дней ушли совсем.

Данстервиль обосновал решение небоеспособностью армянских формирований.

Обоснование фиксирую без комментария — оно принадлежит человеку, который увёл войска за сутки до штурма, и оценивать его я предоставляю читателю.

ПЯТНАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

В город вошли части Кавказской исламской армии Нури-паши — младшего брата Энвера и азербайджанские подразделения.

Османские сводки фиксируют состав пленных с разбивкой по национальностям, и я приведу её целиком, потому что она редкая по точности:

Тридцать шесть офицеров — семнадцать армян, девять русских, десять грузин. Тысяча шестьсот пятьдесят один солдат — тысяча сто пятьдесят один армянин, триста восемьдесят три русских, четыре англичанина.

Четверо англичан из тех, кого не успели погрузить.

Обратите внимание на состав. Из тысячи шестисот пятидесяти одного пленного солдата армян — тысяча сто пятьдесят один, русских — триста восемьдесят три.

То есть город, из которого британский отряд ушёл, ссылаясь на небоеспособность армянских формирований, обороняли до последнего именно они. И русские, которых с восемнадцатого года на этом театре формально не было вовсе.

ДВОЕ СУТОК

С пятнадцатого по семнадцатое сентября в городе шла массовая резня армянского населения.

Регулярным войскам двое суток не разрешалось входить в город.

Эта фраза — единственное, что в данном эпизоде требует внимания. Всё остальное известно и без меня.

Двое суток — не стихия и не хаос. У этого интервала есть начало и конец, и оба назначены. Кто-то принял решение, что регулярные части войдут не сразу, и кто-то принял решение, когда они войдут.

Между двумя этими решениями произошло то, что произошло.

ЦИФРЫ

Анкетная комиссия Армянского национального совета Баку под руководством Бахши Ишханяна — материалы изданы в Баку в девятнадцатом году под названием «Великие ужасы в городе Баку» — даёт около девяти тысяч за три дня.

Общий разброс оценок в литературе — от девяти до тридцати тысяч.

Отдельно скажу вот что. В сводных справках часто встречается цифра двадцать девять тысяч шестьдесят три со ссылкой на комиссию Ишханяна. Комиссии Ишханяна она не принадлежит. Откуда она взялась, я не установила; в этом сезоне её не будет.

Я разбирала это подробно в материале про март и повторю коротко: цифру, за которую нельзя предъявить источник, приводить нельзя, даже если она работает на твою сторону. Особенно если работает.

ПАРАКИН

Теперь то, ради чего этот материал стоит читать.

Германские офицеры при османском штабе — союзники, находившиеся при войсках союзника, — требовали прекратить. Безуспешно.

Немецкий офицер Эрнст Паракин публично обвинил Нури-пашу в массовых убийствах.

Его уволили по требованию турецкой стороны.

Задержитесь на этом. Единственный свидетель тех трёх дней, не принадлежавший ни к одной из сторон конфликта, свидетельствовал против той стороны, при штабе которой служил, — и заплатил за это должностью.

Он не был армянином. Он не был русским. Ему не было выгодно ничего.

Из всех показаний о сентябре восемнадцатого его — единственное, к которому неприменимо слово «заинтересованный».

ЧТО СТАЛО С ОБЩИНОЙ

Армянская община Баку была одной из старейших и крупнейших в Закавказье. Купеческие дома, нефтяные конторы, школы, газеты, национальный совет — всё то, о чём был второй материал сезона.

После сентября восемнадцатого её как общины не стало. Часть погибла, часть ушла морем в Энзели и Красноводск, часть — в Астрахань и вглубь России.

Люди, которые тремя годами раньше объявляли в этом городе день сбора помощи беженцам, сами стали беженцами.

Это к вопросу о том, что происходит с городом, из которого убрали инстанцию: за полгода он теряет обе свои опоры поочерёдно — сначала одну общину, потом другую.

ЧТО ЗДЕСЬ ЗАМКНУЛОСЬ

Соберём по датам.

Март. Артиллерия с судов по кварталам. Жертвы преимущественно мусульманские. От трёх до двенадцати тысяч.

Сентябрь. Двое суток без регулярных войск. Жертвы армянские. От девяти до тридцати тысяч.

Между двумя событиями — пять с половиной месяцев и один город.

Вторая сторона отвечала за первое. Это не моя интерпретация — это заявлялось прямо и в тот момент, и позже.

Про месть я писала в шестом материале, когда речь шла о русских частях, шедших по этой дороге после Шамхора. Повторю коротко: она работает по адресу, а не по вине.

В сентябре восемнадцатого в Баку отвечали не те, кто стрелял в марте. Отвечали те, кто в марте жил на соседней улице.

Разница между мартом и сентябрём — только в том, чья очередь. Механизм один, и он одинаково не различает людей.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ

Двадцатого сентября восемнадцатого года на двести седьмой версте Закаспийской железной дороги расстреляли двадцать шесть человек.

Это те, кто в марте держал власть в городе. К сентябрю они уже два месяца как её не имели, сидели под арестом и к сентябрьским событиям отношения не имели никакого.

Об этом — послезавтра.

ЧТО Я НЕ НАПИСАЛА

Я не привела ни одного свидетельства очевидцев, хотя их сотни и они опубликованы.

Не потому, что щажу читателя, и не потому, что сомневаюсь в них.

Потому что в материале, где я отказалась выбирать между цифрами, свидетельства работали бы не как доказательство, а как давление. Я предъявила бы вам чужую боль, чтобы вы согласились со мной, — а согласиться вы должны с датами.

Даты такие: двое суток, назначенные кем-то с обоих концов. Немецкий офицер, уволенный за то, что назвал вещи своими именами. И город, в котором за полгода дважды убивали по национальному признаку.

Десятый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — картина, которую видели все, и приказ, о котором не помнит почти никто.

Двадцать шестое

№ в серии: 122 из 233 · № в сезоне: 11 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 14.05.2027 · ЖЖ: 14.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Картину видели все. Она висела в школах, её печатали в учебниках, по ней снимали кино.

Мало кто помнит, кто отдал приказ.

Не турки. Не белые. Не англичане — по крайней мере, доказать это нельзя.

Приказ отдали эсеры и меньшевики.

КАК ОНИ ТАМ ОКАЗАЛИСЬ

В июле восемнадцатого Бакинский совет утратил власть. Двадцать шестого руководители Совета сложили полномочия, попытались уйти морем на Астрахань и были задержаны.

К сентябрю они уже полтора месяца сидели под арестом. К событиям пятнадцатого — семнадцатого сентября, о которых был прошлый материал, отношения не имели никакого: они находились в заключении.

На рассвете пятнадцатого сентября, когда англичане уже ушли, а турки входили в город, они погрузились на последний отходивший из Баку пароход — «Туркмен». Команда была в основном дашнакской, под началом Татевоса Амирова.

Пароход пришёл не в Астрахань, а в Красноводск. По одной версии — из-за нехватки топлива, по другой — потому что команда не хотела спасать большевиков.

КТО ТАКОЕ ЗАКАСПИЙСКОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Летом восемнадцатого в Закаспийской области власть взяли эсеры, меньшевики и дашнаки — при поддержке рабочих железнодорожных мастерских и при британском военном обеспечении.

Во главе правительства стоял Фёдор Адрианович Фунтиков. Эсер. По профессии — паровозный машинист.

Правительство это существовало в британской зоне ответственности, снабжалось англичанами и без них не продержалось бы недели. Это не спорный тезис — это условие его существования, признаваемое всеми сторонами.

Именно оно приняло решение о расстреле.

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

Из тридцати шести арестованных в список внесли двадцать шесть. Обвинение формулировалось так: предательство интересов пролетариата и сдача Баку туркам.

Самим приговорённым объявили, что их отправляют в Индию.

В ночь на двадцатое сентября их посадили на экстренный поезд, шедший в сторону Ашхабада. Поезд вели машинист Щеголютин и его помощник Курашёв.

Состав остановился на двести седьмой версте Закаспийской железной дороги, между станциями Перевал и Ахча-Куйма — между телеграфными столбами номер сто восемнадцать и номер сто девятнадцать.

Двадцать шесть человек. Во главе — Степан Шаумян.

ТИГ-ДЖОНС

Теперь про англичанина, потому что без него разговора не бывает.

Капитан Реджинальд Тиг-Джонс — офицер британской миссии в Закаспии, присутствовавший при обсуждении судьбы арестованных.

Советская версия: расстрел произведён по прямому распоряжению британского офицера.

Контрверсия: в Красноводске в сентябре восемнадцатого британских представителей не было, решение принято местной властью самостоятельно.

Спор идёт сто девять лет, и я его не решаю. У меня нет документа, который закрывал бы вопрос в любую сторону, и я не буду делать вид, что он у меня есть.

Зато я скажу, что установлено, и этого хватит без всякого приказа.

Правительство, принявшее решение, существовало в британской зоне, при британском военном обеспечении и с ведома британской миссии. Согласование с миссией зафиксировано. Приказ — предмет спора.

Разницу между «зафиксировано» и «предмет спора» я держу весь сезон и здесь тоже держу.

ТИГ-ДЖОНС ПОТОМ

Одна биографическая деталь, которая говорит больше любой полемики.

После этих событий Реджинальд Тиг-Джонс сменил имя. Он прожил остаток жизни под фамилией Синклер и до самой смерти в восемьдесят восьмом году отрицал причастность.

Смена имени не является доказательством вины. Она является фактом, и я его привожу.

С Фунтиковым вышло иначе. В январе двадцать пятого года его арестовали на хуторе, где он жил под своим именем, ни от кого не скрываясь. Двадцать седьмого апреля двадцать шестого Военная коллегия Верховного Суда СССР признала его виновным в организации расстрела девяти ашхабадских и двадцати шести бакинских комиссаров. Пятого мая двадцать шестого года его расстреляли.

Один из двоих дожил до восемьдесят восьмого года под чужой фамилией. Второй — до двадцать шестого под своей.

ЗА ЧТО

Теперь главное, и ради этого весь материал.

В чём состояла их вина перед теми, кто их расстрелял?

Не в марте восемнадцатого — за март судили бы иначе и не там. Не в военном поражении — они не командовали обороной, к сентябрю их два

месяца как отстранили. Не в заговоре — заговора не было, они сидели под замком.

Их вина состояла в одном.

Они отказались признать законность собственного отстранения от власти и законность приглашения иностранных войск в русский город.

Всё. Больше ничего.

Двадцать шесть человек погибли за то, что не согласились с тем, что Баку может распоряжаться иностранное командование.

ЧТО С ЭТИМ СДЕЛАЛИ ПОТОМ

С этим сделали икону. Бродского, монумент, сквер, площадь, названия улиц в двадцати городах.

Иконе я предпочитаю протокол, поэтому напишу так.

В сентябре восемнадцатого года на двести седьмой версте Закаспийской дороги было приведено в исполнение решение правительства социалистических партий, действовавшего под иностранным военным прикрытием, в отношении людей, чья единственная установленная вина заключалась в непризнании этого прикрытия законным.

Так это выглядит без картины.

И ЕЩЁ

Из двадцати шести — не только большевики. Там были левые эсеры, дашнак, беспартийные.

По происхождению — русские, армяне, грузины, мусульмане, еврей, лезгин.

Среди них Мешади Азизбеков. Его назовут первым азербайджанским большевиком — но назовут потом, когда появится и такое государство, и такое слово. В сентябре восемнадцатого он был просто одним из двадцати шести.

Это к вопросу о том, что происходило на этой земле в восемнадцатом году.

Убивали по национальному признаку — в марте и в сентябре, в одном городе, с разницей в полгода.

А в списке двадцати шести национальности перемешаны, и никого это не занимало ни при жизни, ни при расстреле. Их убили не за то, кем они родились.

За три года на этом театре это едва ли не единственный случай.

ОДНА ДЕТАЛЬ ПРО ИМЯ

Пароход, на котором их вывезли, назывался «Туркмен». Их везли в Астрахань, к своим, и пришли в Красноводск, к тем, кто их расстрелял.

Расстояние между двумя этими портами — вся разница между тем, чтобы дожить до двадцатых, и тем, чтобы остаться на двести седьмой версте.

Решала эту разницу команда парохода.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Через два месяца, семнадцатого ноября, британские войска войдут в Баку уже официально — по праву, полученному в Мудросе.

И начнётся вторая часть сезона, где хозяином положения будет не Стамбул и не Берлин.

Об этом — с двенадцатого материала.

Одиннадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — губернская граница, проведённая когда-то не глядя, и всё, что из неё вышло, когда государство исчезло.

Линейка и карандаш

№ в серии: 123 из 233 · № в сезоне: 12 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 16.05.2027 · ЖЖ: 16.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Границу Тифлисской губернии проводил когда-то чиновник, не глядя, кто по обе стороны живёт.

И правильно делал. Внутри одного государства это не значило ничего.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ВОЕВАЛИ

Ахалкалакский и Борчалинский уезды входили в Тифлисскую губернию. Это единственный факт, который обе стороны признавали.

Из него они вывели противоположные и одинаково последовательные заключения.

Грузинская позиция излагалась публично и без стеснения: границами Грузии считается вся Тифлисская губерния, и вся эта территория будет занята.

Армянская опиралась на состав населения: в обоих уездах армяне составляли подавляющее большинство — по данным, восходящим к дореволюционной статистике, в Ахалкалакском около семидесяти шести тысяч против шести с половиной, в Борчалинском шестьдесят три против семи с половиной.

Первая сторона считала по административной единице. Вторая — по людям.

Обе были правы в рамках выбранного основания. И ни одна из них этих оснований не выбирала — обе их унаследовали.

КАК УЕЗДЫ ОКАЗАЛИСЬ ЗАНЯТЫ

Не в декабре и не в споре с Арменией.

Летом восемнадцатого Германия ввела войска в Грузию. Уезды заняли грузинские части — чтобы не пустить турок к Тифлису. Основание было военным и в тот момент состоятельным: по Батумскому договору

Ахалкалакский уезд отходил Турции, и Турция удерживала его до конца мировой войны.

Потом война кончилась. Турки ушли по Мудросу. Немцы эвакуировались — двадцать шестого декабря последние части покинули Грузию.

Основание исчезло. Войска остались.

Это первый случай в сезоне, и я прошу его запомнить. Мера вводится под конкретную угрозу, угроза исчезает, мера остаётся и превращается в предмет спора.

Так было с Ахалкалаки. Так будет с генерал-губернаторством в Карабахе. Так будет с Лорийской нейтральной зоной, занятой на девяносто дней и не оставленной по истечении срока.

Ни одна временная мера этого периода не была отменена по исчерпанию своего основания. Все были отменены только силой.

ДЕКАБРЬ

Шестого декабря завершилась эвакуация турецких войск. Девятого начались бои.

Армянское наступление вёл Драстамат Канаян. Заняты Санаин, Алаверди, Воронцовка, Привольное. К двадцать второму декабря части вышли к реке Храми. Двадцать третьего генерал Цулукидзе, прорвав окружение, отвёл войска из Садахло, и под армянским контролем оказалась практически вся спорная территория Борчалинского уезда.

Здесь я обязана снять собственную неточность.

В обзорной литературе ходит формула «остановились в десяти километрах от Тифлиса». Расстояние от Садахло до Тифлиса на порядок больше. Формулу изымаю.

Проверяемое звучит иначе и достаточно сильно само по себе: за две недели армянские части заняли почти весь спорный уезд и вышли к последнему естественному рубежу перед тифлисской равниной.

Преувеличение здесь не нужно. Оно даёт оппоненту точку входа там, где её нет.

КТО ПРИЕХАЛ

А теперь то, что в этой истории обычно теряется.

Двенадцатого — четырнадцатого декабря, посреди войны, в Тифлисе шли трёхсторонние переговоры: грузины, армяне и англичане. На них было достигнуто соглашение о высадке в Грузии английских войск.

Пятнадцатого декабря англичане высадились в Поты. Двадцать пятого вошли в Тифлис. Двадцать шестого последние германские части покинули страну.

Двадцать пятого — англичане в столице. Двадцать шестого — немцы уходят.

Смена внешнего покровителя произведена без паузы, в течение суток.

Двадцать девятого декабря грузинские войска отбили Шулаверы и остановили продвижение. Тридцать первого при посредничестве британского и французского офицеров — подполковников Джордана и Шардиньи — подписали перемирие.

КАК РАЗДЕЛИЛИ

Семнадцатого января девятнадцатого года стороны согласились на раздел по британскому предложению.

Северная часть Борчалинского уезда — Грузии. Южная — Армении. Средняя, самая спорная, — нейтральная зона под управлением британского генерального комиссара, капитана А. С. Г. Дугласа. Три района: Узунлар, Воронцовка, Алаверди. Сорок с лишним деревень с преобладающим армянским населением.

В нейтральной зоне находились Алавердские медные рудники.

Причинную связь между расположением рудников и границами зоны я не утверждаю. У меня нет документа, который её устанавливает.

Я фиксирую совпадение: из трёх частей разделённого уезда сторонам достались две, а та, в которой был единственный промышленный актив, отошла под управление посредника.

Оценивать совпадение читатель волен сам. Моя оценка была бы слабее самого факта.

ЧЕГО ЭТО СТОИЛО

Военный результат был скромным. Три недели боёв, ограниченные потери, восстановленное положение с разделом.

Политический — огромным, и отрицательным для обеих сторон.

Фируз Каземзаде, работавший на британских архивах, германских донесениях и прессе закавказских правительств, формулирует прямо: армяно-грузинская война нанесла колоссальный вред делу независимости региона на Парижской конференции, убедив великие державы в неспособности кавказских народов самостоятельно поддерживать стабильность.

Две республики, добивавшиеся международного признания, за три недели предъявили конференции доказательство обратного.

Они получили не границу. Они получили аргумент в пользу внешней опеки.

Через год их признают де-факто — и в основании будет названо совсем другое. О том, что именно, — в двадцатом материале.

ЧТО ЗДЕСЬ ВАЖНЕЕ ВСЕГО

Разлом не создали в декабре восемнадцатого. Его обнаружили.

Создали раньше — линейкой и карандашом столоначальника, проводившего границу уезда в губернии, где эта граница ничего не значила, потому что над ней стояло одно государство.

Пока оно стояло, вопрос, читать ли линию по администрации или по людям, не имел цены. Он не решался, потому что не возникал.

За тринадцать месяцев после его ухода вопрос был поставлен, доведён до войны, не решён ни одной из сторон и передан на разрешение британскому капитану, которому вместе с ним досталась медная руда.

Всё, что произойдёт на этой земле дальше — включая войны, отстоящие на семьдесят лет, — пойдёт по линиям, начерченным в предположении, что государство над ними будет всегда.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Послезавтра — про порт, который полтора года управлялся английским офицером, и про то, кому его в итоге отдало собственное правительство.

Там же будет первый за двенадцать материалов рассказ про моего деда. Про здание, в котором он вырос.

Двенадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — нефтяной порт, полтора года управлявшийся английским офицером, и здание, в котором вырос мой дед.

Девятнадцать месяцев

№ в серии: 124 из 233 · № в сезоне: 13 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 18.05.2027 · ЖЖ: 18.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Главный нефтяной порт России на Чёрном море полтора года управлялся английским офицером.

Местным жителям при этом было запрещено требовать присоединения к соседнему государству.

ЧТО ТАКОЕ БАТУМ

Батум вошёл в состав России по итогам войны семьдесят седьмого — семьдесят восьмого годов, вместе с Карсом и Ардаганом. Но в отличие от них значение имел не оборонительное, а хозяйственное.

К началу века это был главный нефтяной порт империи на Чёрном море. Сюда приходила бакинская нефть, отсюда шла в Европу. Керосинопровод Баку — Батум на момент завершения был крупнейшим в мире. Порто-франко сделал город торговым центром, живущим транзитом.

Это надо зафиксировать до всякой политики. Батумская область была не окраиной со спорным населением, а выходным клапаном нефтяного хозяйства страны.

Всё, что произойдёт с ней дальше, произойдёт именно с клапаном, и все участники это понимали. На Батум предъявят претензии все три республики, из которых ни одна к области отношения не имела до восемнадцатого года.

ТРИ МАРТА И ПЯТНАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ

По Брест-Литовскому договору третьего марта восемнадцатого Советская Россия обязалась очистить Ардаган, Карс и Батум.

Закавказский сейм договор не признал и объявил недействительным. Это не помешало исполнению.

Пятнадцатого апреля восемнадцатого года турецкие войска заняли Батум. Без боя.

Между отказом признать договор и сдачей города — сорок три дня.

Механика та же, что с Карсом и с Ахалкалаки: территория переходит не в результате сражения, а потому что защищать её нечем и некому.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ

Мудрос обязал турок уйти. Двадцать пятого декабря восемнадцатого в Батум прибыли британские войска.

И вот здесь начинается то, ради чего материал написан.

Британское командование не передало область никому.

Батумская область была включена в оккупационную зону как отдельная административная единица под британским военным губернатором. Губернатором стал Джеймс Кук-Коллис. Военная администрация объявила область самостоятельным образованием и запретила пропаганду в пользу присоединения к Грузии.

Три обстоятельства делают это несущим.

Первое. Запретили агитацию не за Турцию и не за Россию — за присоединение к той республике, которую то же самое британское командование через тринадцать месяцев будет предлагать признать де-факто.

Второе. Единица создана не по этническому и не по историческому основанию. Ни один из живших там народов отдельной государственности не требовал — местное движение требовало прямо противоположного.

Третье. Изъятая единица — именно та, через которую идёт нефть.

Замысел командования я не устанавливаю. Функция очевидна из результата: контроль над нефтяным выходом выведен из-под юрисдикции всех местных правительств и удерживается напрямую.

ЧТО ГОВОРИЛО НАСЕЛЕНИЕ

Двадцать четвёртого июля девятнадцатого года в Батуме прошёл митинг грузин-мусульман. Резолюция за подписью Мемеда Абашидзе кончалась словами об автономной мусульманской Грузии в пределах общей родины.

Тридцать первого августа собрался съезд представителей Мусульманской Грузии — высказался за воссоединение области с её естественной родиной.

Тринадцатого сентября создали Меджлис.

Обратите внимание на даты. Пятнадцатого августа девятнадцатого начался вывод британских войск с Кавказа, штаб дивизии уехал в Константинополь. Движение за воссоединение развернулось ровно тогда, когда британское присутствие стало сокращаться.

И область осталась отдельной ещё на одиннадцать месяцев.

ЛИГА НАЦИЙ

Восьмого апреля двадцатого года Верховное командование союзных войск объявило Батумскую область территорией под охраной Лиги Наций, занятой войсками Великобритании, Франции и Италии.

Разберём формулу, она образцовая.

Порт, принадлежавший России сорок лет, объявляется под охраной международной организации. Охрану несут войска трёх держав. Ни одно государство региона в решении не участвует.

Оболочка сменилась. Содержание — нет: гарнизон на месте, юрисдикция изъята.

Конструкция продержалась три месяца. Четырнадцатого июля решили выводить войска, двадцатого в Батум вошли грузинские части.

Британское управление русским черноморским портом длилось девятнадцать месяцев.

ЧЕМ ВСЁ КОНЧИЛОСЬ

Двадцать пятого февраля двадцать первого года части Красной армии вошли в Тифлис. Правительство Грузинской республики отошло в Батум.

Одиннадцатого марта двадцать первого года по приглашению этого правительства в Батумскую область вошли турецкие войска.

Это последнее государственное решение первой грузинской республики. Порт, за который шла трёхлетняя борьба и который вернули двадцатью двумя месяцами раньше, передали той стороне, у которой его отбирали в восемнадцатом, — чтобы не достался Красной армии.

Семнадцатого марта в городе началось восстание. В ночь на восемнадцатое правительство ушло. Девятнадцатого в Батум вступила Восемнадцатая кавалерийская дивизия под командованием Дмитрия Жлобы. Двадцать первого последние турецкие части покинули город по приказу из Анкары.

Шесть смен распорядителя за тридцать девять месяцев. Пять из шести произведены решениями, принятыми за пределами области.

ОТ СЕБЯ

Теперь про здание.

Александрополь, куда привезли моего деда, был выбран беженцами не случайно. Это был ближайший к турецкой границе развитый город под защитой русского гарнизона. Название он носил с тысяча восемьсот тридцать седьмого года; после двадцать четвёртого стал Ленинаном.

Приютский комплекс в Александрополе был крупнейшим в мире. Сто семьдесят зданий и бараков, в разные годы от двадцати пяти до тридцати тысяч детей.

Развёрнут он был на месте бывших военных посёлков Российской империи. Они назывались «Казачий пост», «Северский» и «Полигон».

Мальчика вынес казачий разъезд.

Мальчик вырос в казарме казачьего поста.

Это не красивое совпадение, которое надо оговаривать. Это буквальная механика. Армия ушла с этой земли — а её казармы, плац и полигон остались и приняли тридцать тысяч детей, которых эта армия успела вывезти.

Здание пережило гарнизон и продолжило делать его работу.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Послезавтра — про то, как в декабре восемнадцатого вооружённую колонну остановили в сорока километрах от города. Не боем. Запиской.

Тринадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — вооружённая колонна, остановленная в сорока километрах от города запиской.

Записка вместо боя

№ в серии: 125 из 233 · № в сезоне: 14 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 20.05.2027 · ЖЖ: 20.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

В сорока километрах от города колонну остановили.

Не контрударом. Не переговорами сторон.

Запиской.

СНАЧАЛА — ПРО КРОВЬ, КОТОРАЯ УЖЕ БЫЛА

Всё, что я напишу ниже, происходило на земле, где к концу восемнадцатого года обе стороны уже несли и причиняли потери.

Про Зангезур осени восемнадцатого я писала в восьмом материале: разгромленные селения, тысячи убитых, десятки тысяч беженцев — по подсчётам азербайджанской стороны, приведённым как её показание.

В те же месяцы турецкая и азербайджанская стороны занимали армянские районы Карабаха: двадцать пятого сентября Шуша была взята без сопротивления.

Я не решаю, кто начал. Я фиксирую положение: обе стороны вооружены, обе несут потери, и над ними нет никого.

Именно в это положение в ноябре восемнадцатого вошла третья сила.

АБДАЛЯР

Двадцать третьего ноября восемнадцатого года усилиями британского генерал-майора Уильяма Монтгомери Томсона в Тифлисе подписали документ о перемирии. Азербайджанские силы вывели из Шуши.

К началу декабря отряды Андраника, воспользовавшись отводом, двигались на Шушу. До города оставалось сорок километров.

В селе Абдаляр выехавшие из Шуши английские офицеры передали Андранiku сообщение от командования союзных сил в Закавказье.

Наступление было остановлено.

Прочтите буквально. Вооружённая колонна, находившаяся в сорока километрах от цели, была остановлена запиской. Не боем, не контрударом, не соглашением сторон — сообщением, которое привезли офицеры третьей державы из города, куда колонна шла.

Ни одна из закавказских сил в декабре восемнадцатого не могла ни сделать такого в отношении другой, ни отказаться от такого в отношении британского командования.

Вот определение того, кто был субъектом на этом театре. Оно занимает одну строчку и не требует ни одного прилагательного.

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Пятнадцатого января девятнадцатого года правительство Азербайджанской Демократической Республики учредило генерал-губернаторство на территории Зангезура и Карабаха и назначило генерал-губернатором Хосров-бека Султанова.

Британское военное командование это назначение утвердило, объявив, что окончательное решение о статусе региона примет Парижская конференция.

Британская военная миссия выпустила официальное извещение: с согласия британского командования временно назначен генерал-губернатором Зангезурского, Шушинского, Джеванширского и Джебраильского уездов доктор Хосров-бек Султанов. В феврале миссия распространила среди жителей сообщение с требованием подчиниться назначению.

Три обстоятельства фиксирую как факты, без квалификации умысла.

Первое. Назначенный был уроженцем Зангезурского уезда и первым военным министром АДР. То есть стороной конфликта, а не арбитром.

Второе. Правительство Республики Армения назначило собственного генерал-губернатора Карабаха и Зангезура — капитана Арсена Шахмазяна. Британские власти его не признали и требовали отзыва.

Симметрии не было. Одно из двух назначений утвердили, второе аннулировали. Обоими решениями распорядилась одна инстанция.

Третье. Обоснование, данное Томсоном при встрече с премьером Армении Хатисяном в конце марта девятнадцатого, было хозяйственным: вопрос о Карабахе стоит для него в зависимости от обеспечения питанием беженцев и необходимости обезопасить пути сообщения.

Логистика. Не право.

КАЙБАЛИКЕНД

Четвёртого — пятого июня девятнадцатого года в Шуше и окрестностях произошли вооружённые столкновения. Курдскими и мусульманскими отрядами под предводительством брата генерал-губернатора было вырезано армянское селение Кайбаликенд.

По данным представителя британской военной миссии, из семисот жителей селения в живых остались одиннадцать мужчин и восемьдесят семь женщин и детей.

Про источник цифры — отдельно.

Она получена не армянской и не азербайджанской стороной. Её дала та самая миссия, которая утвердила назначение.

Инстанция, поставившая администратора, зафиксировала результат его администрирования собственным донесением.

Султанова отзывали из Шуши. Потом он вернулся.

ТО ЖЕ САМОЕ, НО В ДРУГУЮ СТОРОНУ

Шестнадцатого ноября девятнадцатого года британский верховный комиссар Оливер Уордроп телеграфировал в Лондон, возлагая вину на обе стороны: на армян — за жестокое обращение и изгнание тысяч мусульман из домов, на мусульманскую сторону — за расчёт на турецкую поддержку.

Это лучший источник по симметрии конфликта из имеющихся — именно потому, что его автор не был заинтересован ни в одной из версий.

Тремя днями раньше он и полковник Рей предупредили обе стороны, что они пострадают на Версальской конференции, если не прекратят.

Двадцать третьего ноября в Тифлисе заключили соглашение о прекращении вооружённых столкновений и мирном решении спорных вопросов.

Оно продержалось четыре месяца.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ МАРТА

С начала двадцатого года блокада Карабаха ужесточалась. Девятнадцатого февраля Султанов потребовал немедленно и окончательно решить вопрос о вхождении в Азербайджан. В середине марта началось разоружение армян Карабаха.

В ночь с двадцать второго на двадцать третье марта, во время празднования Новруза, армянские вооружённые отряды атаковали гарнизоны в Шуше, Аскеране и Ханкенди.

Атака провалилась.

Дальше — из телеграммы самого генерал-губернатора министру внутренних дел от двадцать четвёртого марта: гарнизон, получив известие о провале нападения на Ханкенди, нанёс ответный удар, а затем, при участии местных жителей, устроил резню в армянских кварталах, что привело к массовой гибели и изгнанию всего армянского населения и уничтожению армянских кварталов в результате пожара.

Оценки числа погибших расходятся от пятисот до тридцати тысяч. Чаще всего воспроизводится диапазон восемь — двенадцать тысяч, разрушенных зданий около семи тысяч.

Диапазон не сужаю. Хронология и факт установлены собственной телеграммой генерал-губернатора и спора не вызывают. Численность жертв остаётся открытой, и попытка её закрыть подорвала бы то, что доказано без неё.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ И СЕМЬ ДНЕЙ

Столько прошло от утверждения назначения до сожжённого города.

Причинную связь между двумя событиями я не утверждаю. Между ними слишком много решений, принятых сторонами самостоятельно, а к марту двадцатого британского присутствия в регионе уже не было.

Утверждаю другое, и этого достаточно.

В декабре восемнадцатого на театре была сила, способная остановить наступающую колонну запиской. Она употребила эту способность дважды: чтобы остановить одну сторону и чтобы наделить полномочиями другую.

Потом она ушла — оставив полномочие в силе, а способность его уравнивать увеза с собой.

ФОРМУЛА

За четырнадцать материалов я подошла к тому, ради чего писала сезон. Скажу это здесь, потому что здесь она доказана.

Гарант отличается от гарнизона тем, что уходит только вместе с территорией.

Гарнизон стоит, пока стоять выгодно. Он может решать споры, назначать администраторов, проводить границы, запрещать агитацию и останавливать колонны запиской. Всё это он делает не хуже гаранта, а иногда быстрее.

Разница обнаруживается в один день — в тот, когда он уходит.

Гарант в этот день не уходит. Он не может: территория — его.

Всё остальное различие между Батумом под Кук-Коллисом и Батумом под русской администрацией, между запиской в Абдаляре и приказом по фронту, между нейтральной зоной с медными рудниками и уездом в составе губернии — производно от этого одного.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Послезавтра — про русский город, который вернула русская армия и за который ей пригрозили обстрелом с линкоров.

Четырнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — русский город, возвращённый русской армией, и угроза обстрела русского берега с линкоров союзников.

Линкоры против Сочи

№ в серии: 126 из 233 · № в сезоне: 15 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 22.05.2027 · ЖЖ: 22.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

Русская армия вернула русский город.

И получила от союзников угрозу обстрела русского берега.

КАК ГРУЗИНСКИЕ ВОЙСКА ОКАЗАЛИСЬ В ТУАПСЕ

Летом восемнадцатого года, опираясь на германские части под командованием Кресс фон Крессенштейна, грузинская армия пошла на север.

Третьего июля заняты Гагры и Адлер. Пятого, после боя на рубеже реки Кудепста, части вошли в Сочи. Двадцать седьмого июля, после двенадцатичасового боя, взят Туапсе.

К сентябрю всю прибрежную полосу объявили временно присоединённой к Грузии.

От Туапсе до Тифлиса около шестисот километров.

Республика, которой было два месяца от роду и которая девятью днями после провозглашения независимости обязалась немедленно демобилизовать собственную армию, продвинулась на шестьсот километров вглубь бывшей русской губернии.

В те же недели её собственный порт Батум находился под турецкой оккупацией — по договору, который она подписала сама.

Командовал наступлением генерал Георгий Мазнишвили. Подполковник русской императорской армии, кавалер ордена Святого Георгия четвёртой степени.

Запомните эту деталь. К концу сезона она соберётся в отдельный сюжет.

ЕКАТЕРИНОДАР

Двадцать пятого сентября восемнадцатого года в Екатеринодаре грузинская делегация — Гегечкори, Мазнишвили и другие — встретилась с командованием Добровольческой армии: Алексеев, Деникин, Лукомский.

Русская сторона требовала вернуть военное имущество, прекратить притеснения русского населения в Грузии и очистить Сочинский округ.

Грузинская потребовала включить округ в состав Грузии, отказалась признать Добровольческую армию правопреемницей России и назвала её частной организацией.

Переговоры провалились.

Установилось положение, которое обе стороны называли «ни мира ни войны»: добровольцы южнее Туапсе, у станции Лоо — грузинские части.

ЧТО БЫЛО В ОКРУГЕ

Блокада. Введённый оккупационными властями натуральный налог. Усилившийся голод. Вывоз имущества.

Армянские ополченцы округа восстали против администрации. Армяне Сочинского округа обратились за помощью к Деникину — ввиду притеснения негрузинского населения.

Тут стоит остановиться и заметить сцепление, которое обычно теряется.

Двадцать второго декабря начался отвод грузинских войск из округа — из-за начавшейся войны с Арменией.

Война, начатая в Борчалинском уезде за шестьсот вёрст отсюда, немедленно отозвалась на черноморском побережье: восстанием армянского населения округа и отводом частей на новый фронт.

Вот практическое содержание разомкнутого контура. Три театра, формально не связанных, оказываются одним. Любое движение на одном мгновенно перераспределяет силы на двух других. И нет инстанции, которая держала бы все три.

ШЕСТОЕ ФЕВРАЛЯ

Двадцать девятого декабря грузины оставили станцию Лоо. Около месяца стороны стояли на реке.

Двадцать четвёртого января девятнадцатого началось наступление силами генерала Бурневича.

Шестого февраля занят Сочи. Восьмого — Адлер и Гагры.

Особого сопротивления не было. В плен сдались около семисот солдат и почти пятьдесят офицеров, среди них начальник штаба Церетели.

Округ вернули за пятнадцать дней — силами, действовавшими одновременно на главном фронте против Красной армии.

ПРОТЕСТ

Реакция последовала не от проигравшей стороны.

Великобритания заявила Деникину протест, угрожая разрывом отношений, прекращением военных поставок и обстрелом кавказского побережья России из линкоровских орудий.

Угроза была действенной, потому что была материальной.

В девятнадцатом году одна только Великобритания поставила Деникину семьсот сорок орудий, тысячу семьсот пулемётов, около двухсот тысяч винтовок, двести пятьдесят миллионов патронов, свыше полумиллиона снарядов, около пятидесяти танков и около двухсот самолётов.

Практически вся материальная база армии находилась в руках того, кто выдвигал требование.

Деникин из Сочи не ушёл и двинулся на Сухум, объявив Абхазию частью единой и неделимой России.

В апреле девятнадцатого, воспользовавшись восстанием «зелёных» в Сочинском округе, грузинские войска перешли Бзыбь. Немногочисленные добровольческие части отошли, оставив Гагры.

Дальнейшую эскалацию предотвратило вмешательство англичан. Российско-грузинская граница прошла по реке Псоу.

ПСОУ

Сложим итог.

Русское побережье заняли сначала войска одной иностранной державы при поддержке другой. Вернули его силы, действовавшие под русским флагом. И остановили на линии, назначенной третьей державой под угрозой корабельного огня по русскому берегу.

Линия эта — река Псоу.

Она проходит там же по сей день.

Сочи и Туапсе остались русскими. Гагринский участок в междуречье Псоу и Бзыби — нет.

Разница между двумя итогами и есть точное измерение того, чего стоил вакуум.

Там, где действовала русская военная сила, территория осталась. Там, где действовал британский ультиматум, — нет.

Ни один договор эту границу не устанавливал. Её установил протест, подкреплённый контролем над снабжением армии, которая эту границу защищала.

КТО ТАМ ЖИЛ

Сочинский округ к восемнадцатому году был русским по составу населения, с заметными армянской и греческой общинами — потомками переселенцев конца прошлого века.

Именно они и оказались в положении, знакомом по всему сезону: местное население, у которого сменился распорядитель, и никакой инстанции, к которой можно апеллировать.

Армяне округа апеллировали к Деникину — за неимением другого адреса.

То, что русские, армяне и греки Черноморского побережья в девятнадцатом году искали защиты у Добровольческой армии, а не у грузинской администрации, стоявшей на месте, — факт, который в

сегодняшних спорах о принадлежности этих земель обычно не упоминают вовсе.

И ТО, ЧТО ОТНОСИТСЯ НЕ ТОЛЬКО К СОЧИ

Последнее, и оно шире темы.

Армия, воевавшая за единую и неделимую Россию, вела эту войну боеприпасами, выданными державой, определявшей, где будет проходить русская граница.

Возможность продолжать войну и возможность защищать территорию оказались в разных руках.

Это та же конструкция, что через полтора года приведёт к выдаче Колчака в обмен на эвакуацию чехов и к эвакуации из Крыма под прикрытием союзных флотов.

Механика одна. Здесь она проступает раньше и отчётливее всего — потому что впервые была применена не против большевиков.

Она была применена против русского командования, действовавшего в русских интересах на русской территории.

ЧТО ДАЛЬШЕ

На этом вторая часть сезона заканчивается.

Послезавтра — единственный материал, действие которого происходит не в Закавказье. Смирна, Ллойд Джордж и полтора миллиона человек, переехавших по конвенции, подписанной в швейцарском городе.

Он нужен, чтобы снять одно возражение, которое иначе останется у читателя до самого конца.

Пятнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — единственный материал сезона не про Закавказье: Смирна, Лозанна и полтора миллиона человек, переехавших по конвенции.

Та же рука

№ в серии: 127 из 233 · № в сезоне: 16 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
24.05.2027 · ЖЖ: 24.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Три тысячи лет греки жили на этом берегу.

Полтора миллиона человек переехали за один сезон — по конвенции, подписанной в швейцарском городе.

ЗАЧЕМ ЭТОТ МАТЕРИАЛ В ЗАКАВКАЗСКОМ СЕЗОНЕ

У читателя, дошедшего до шестнадцатого материала, есть к сезону одно серьёзное возражение, и я хочу снять его прямо, а не оставлять висеть.

Возражение такое: британское поведение в Закавказье объясняется закавказской спецификой. Нефть, мусульманский фактор, близость Персии и Индии, три враждующие республики. Особые обстоятельства — особое поведение.

Снять это можно единственным способом — показать ту же механику там, где ни одного из этих обстоятельств нет.

Малая Азия девятнадцатого — двадцать второго годов даёт такой случай в чистом виде. Ни нефти, ни спорных губернских границ, ни трёх взаимно враждебных республик. Есть государство с трёхтысячелетним присутствием на побережье, есть выданный ему мандат и есть держава, этот мандат выдавшая.

Результат совпадает до деталей.

ПЯТНАДЦАТОЕ МАЯ

Пятнадцатого мая девятнадцатого года греческая армия высадилась в Смирне под прикрытием союзных флотов.

Решение продвигал лично премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж.

Севрский договор десятого августа двадцатого года закрепил конструкцию: Смирна с округом передавалась под греческое управление

на пять лет, потом плебисцит.

Тем же договором, в том же тексте, в тот же день определялись границы Армении — по арбитражу президента Вильсона, в вилайетах Ван, Битлис, Эрзурум и Трапезунд.

Оба решения приняты одной конференцией. Дальше их судьбы расходятся только по датам.

КТО ЭТО ПРИДУМАЛ

Идею греческого мандата в Смирне продвигал не греческий премьер, а британский.

Элефтериос Венизелос действительно её принял и на ней настаивал — но предложение и политическое прикрытие пришли из Лондона, и без них никакой высадки в мае девятнадцатого не было бы.

Это надо зафиксировать до всякого разбора, потому что дальше вся ответственность за катастрофу будет возложена на греческую сторону, и возложена не без оснований: воевала она, отступала она, и население вывозили тоже её.

Но решение о том, что греческая армия высадится в Малой Азии, принимали не в Афинах.

МАНДАТ БЕЗ ГАРАНТИИ

Конструкция начала рассыпаться раньше, чем была подписана.

Севр подписало правительство султана, реальной властью не обладавшее. Действительной силой в Анатолии было Великое национальное собрание в Анкаре, Севр отвергавшее.

В декабре двадцатого в Грецию вернулся король Константин — и это дало Франции и Италии основание свернуть поддержку. К двадцать второму Франция признала правительство Кемаля, а Британия, Франция и Италия совместно предложили план вывода греческих войск.

Схема опознаётся с первого взгляда.

Государство получает территорию по решению конференции. Удерживать её обязано собственными силами. Держава, выдавшая решение, оставляет за собой право отозвать поддержку по обстоятельствам, к самой территории отношения не имеющим.

Ровно так же в апреле девятнадцатого британское командование передало Карсскую область Армении. Ровно так же в январе того же года оно утвердило генерал-губернатора в Карабахе.

И обе выдачи пережили своего гаранта.

ВОЗРАЖЕНИЕ ПОЛКОВНИКА

Летом двадцать первого греческая армия действовала успешно. Десятого марта началось наступление, с двадцать седьмого июня по десятое июля взяты Афьон-Карахисар, Кютахья и Эскишехир. Кемаль отвёл войска за Сакарию, окружения избегав.

На совещании в Кютахье обсуждали, идти ли на Анкару.

Против выступил полковник Спиридонос, указав на неразрешимые проблемы снабжения.

Масштаб предприятия к этому моменту: пять тысяч пятьсот офицеров и сто семьдесят восемь тысяч рядовых, призывы с двенадцатого по двадцать первый год включительно. Стоимость кампании к двадцать первому — эквивалент ста миллионов долларов.

Возражение Спиридоноса относится к тому же документированному жанру, что и доклады русских штабных офицеров о состоянии Кавказского фронта зимой семнадцатого — восемнадцатого. Профессионал назвал ограничение заранее, письменно, и был перекрыт политическим решением.

Это не совпадение характеров. Это устройство.

Политическое руководство, получившее территорию по чужому решению, обязано её удерживать — иначе решение аннулируется. И потому не может позволить себе арифметику снабжения.

САКАРЬЯ

С двадцать третьего августа по тринадцатое сентября двадцать первого года шло сражение на реке Сакарья.

Двадцать два дня.

Прорыва не произошло. Греческая армия отошла. Мустафа Кемаль получил от Великого национального собрания титул Гази.

Военный смысл не в потерях. Наступление, не достигшее цели за двадцать два дня на удалении, требующем снабжения по единственной коммуникации, истощает себя окончательно: следующего не будет.

С сентября двадцать первого у греческой армии в Анатолии существовал ровно один выход — организованный вывод по политическому соглашению.

Его предлагали трижды. Трижды не приняли.

КТО ЕЩЁ СТОЯЛ НА ЭТОМ БЕРЕГУ

Прежде чем перейти к разгрому, назову то, что обычно опускают.

Греческая армия в Анатолии воевала не одна. Вместе с ней и под её прикрытием держались остатки армянских и ассирийских общин Ионии и Киликии — те, кто уцелел в пятнадцатом-шестнадцатом и осел на побережье, считая его безопасным, потому что там стоял европейский флот.

Севрский договор упоминал их отдельно: он предусматривал защиту меньшинств.

Никакого механизма этой защиты договор не создавал.

Ровно как в Закавказье: обязательство записано, обеспечивать его некому, а тот, кто его записал, не считает себя обязанным.

Поэтому, когда греческий фронт рухнет, рухнет он не только под греками.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ АВГУСТА

С двадцать шестого по тридцатое августа двадцать второго года при Думлупынаре греческая армия была разгромлена.

В Турецкой Республике тридцатое августа — Праздник Победы.

В сентябре пала Смирна. Одиннадцатого октября подписали Муданийское перемирие.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Военная часть кончилась при Думлупынаре. Дальше — то, чем это обернулось для людей в городе, и это отдельный материал.

Послезавтра.

Шестнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — набережная того же города и несколько дней, за которые от него ничего не осталось.

Набережная

№ в серии: 128 из 233 · № в сезоне: 17 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
26.05.2027 · ЖЖ: 26.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

Смирна была европейским городом. Веками там бок о бок жили греки, турки, армяне и евреи. Банки, фабрики, консульства, театры, набережная.

В сентябре двадцать второго года всего этого не стало за несколько дней.

КАК ЭТО ШЛО

Шестого сентября в город вошла отступающая греческая армия. Через сутки она закончила эвакуацию, забрав все наличные суда. В городе, кроме местных греков и армян, скопились беженцы из захваченных районов Ионии.

Девятого сентября в Смирну вступила турецкая армия.

Тринадцатого сентября турецкие солдаты облили бензином и подожгли здания в армянском квартале — выждав, когда задует сильный ветер со стороны мусульманского квартала. Потом стали обливаться бензином христианско-европейскую часть, в том числе перед американским консульством.

Пожар шёл несколько дней и уничтожил христианскую часть города.

Спасаясь от огня, люди сошлись на набережную. Турецкие солдаты оцепили её и оставили беженцев без пищи и воды.

Многие умирали от голода и жажды. Другие бросались в море.

Чтобы заглушить крики, на набережной постоянно играл турецкий военный оркестр.

КОРАБЛИ

В гавани стояли суда союзных держав. Британские, французские, итальянские, американские.

Большинство, сославшись на нейтралитет, не взяло на борт ни одного человека.

Свидетельство приводится в записках очевидцев и в донесениях американского консула Джорджа Хортонa: с одного из кораблей вытащили из воды пловших к нему людей — и, согласно приказу сохранять нейтралитет, вернули их турецким солдатам на берег, на верную смерть.

По тому же приказу солдаты и офицеры всех наций стояли в стороне, когда турецкие солдаты били прикладами женщин, пытавшихся добраться до своих детей, кричавших за оцеплением.

Хортон написал потом, что преступно было не выработать за века цивилизации способа предотвращать такие приказы — и что весь мир несёт за это ответственность.

ДВА ИСКЛЮЧЕНИЯ

Их было ровно два, и оба стоит назвать поимённо.

Японские суда выбрасывали за борт весь свой коммерческий груз — чтобы освободить трюмы и взять на борт как можно больше людей. Не по приказу и не за деньги. Товар, за который они отвечали перед хозяевами, ушёл в воду, а на его место встали умирающие горожане.

Американский пастор Эйса Дженнингс, сотрудник ИМКА, добился отправки наскоро собранной греческой флотилии. Двадцать третьего сентября она пришла в порт под охраной американских судов.

Турецкие власти объявили, что все беженцы должны покинуть Смирну до первого октября.

Только после резни Красный Крест зарегистрировал около четырёхсот тысяч беженцев.

ЧТО ОСТАЛОСЬ

Христианской Смирны не стало. Не «уменьшилась» и не «сменила состав» — не стало.

Город с банками, консульствами и театрами перестал существовать вместе со своим населением и на десятилетия вернулся в состояние, из которого выбирался триста лет.

Это и есть цена мандата, выданного в мае девятнадцатого года под прикрытием союзных флотов. Флоты, кстати, были в гавани и в сентябре двадцать второго.

Те же самые.

ЧАНАК

Дальше — уже не про Малую Азию.

В сентябре — октябре двадцать второго разразился Чанакский кризис: британские войска у проливов оказались перед перспективой войны с Турцией, на которую не согласились ни доминионы, ни Франция.

Девятнадцатого октября двадцать второго года Ллойд Джордж ушёл в отставку.

Премьер, лично продвинувший высадку в Смирне пятнадцатого мая девятнадцатого года, потерял пост из-за её последствий через три года и пять месяцев.

Ни один из трёх закавказских премьеров, чьи государства были признаны по его представлению, к этому моменту не находился на территории собственной страны.

ЛОЗАННА

Счёт закрыли двумя документами.

Тридцатого января двадцать третьего года подписали конвенцию об обмене населением. Обменяли более миллиона греков — турецких подданных — и пятьсот тысяч турок — греческих подданных. Исключили только греков Константинополя и мусульман Западной Фракии.

Так завершилось греческое присутствие в Малой Азии.

Двадцать четвёртого июля двадцать третьего года подписали Лозаннский мирный договор, отменивший Севр.

Он отменил, в частности, предусмотренные Севром границы Армении, определённые арбитражем президента Вильсона.

И к нему приложили декларацию об амнистии, предоставлявшую иммунитет за преступления, совершённые с четырнадцатого по двадцать второй год.

Прочтите три строки подряд.

Смирнский мандат отменён. Армянское присуждение отменено. Ответственность за то, что происходило между четырнадцатым и двадцать вторым годом, снята.

ИТОГ

Ни нефти, ни губернских границ, ни трёх враждующих республик — а результат тот же.

Мандат выдан. Гарантия не выдана. Обязанность удерживать возложена на получателя. Профессиональное возражение о невозможности удержания сделано письменно и перекрыто. Поддержка отозвана по обстоятельствам, к предмету отношения не имеющим. Итог оформлен договором, отменяющим первоначальную выдачу и амнистирующим последствия.

Разница с Закавказьем только в масштабе исхода: полтора миллиона человек против сотен тысяч.

Всё, что Севр выдал, Лозанна забрала. Выдавала одна рука — и та же рука забрала.

Британская политика в Закавказье не была закавказской.

Она была нормальной.

ОТ СЕБЯ

Я часто бываю у друзей в Западной Фракии, в районе Кавалы.

Долго не задумывалась, почему у стольких греческих селений там названия с приставкой «Неа» — Новая. Неа Смирни, Неа Иония, Неа Каравли, Неа Перамос.

Потом дошло.

Это не про новизну. Это переселенцы двадцать третьего года дали своим новым посёлкам имена тех мест, откуда их вывезли. Чтобы название осталось хотя бы так.

Сто лет прошло. Приставка стоит.

Люди, которых меняли по конвенции, как товар по описи, единственным доступным им способом отказались признать, что тех городов больше нет.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Ни одна из границ, нарезанных конференциями девятнадцатого и двадцатого годов, не простояла трёх лет. Ни смирнская, ни севрская армянская, ни карсская, ни батумская, ни борчалинская.

Какие простояли и почему — оставшиеся материалы.

Первый из них, послезавтра, — про два документа, подписанных в один день второго декабря двадцатого года. И про четверых, которые до второго декабря не дожили.

Семнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — два документа, подписанных в один день второго декабря двадцатого года: один сокращал армию, другой отдавал власть.

Два документа одного дня

№ в серии: 129 из 233 · № в сезоне: 18 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 28.05.2027 · ЖЖ: 28.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная, Рука Москвы

Второго декабря двадцатого года правительство Армении подписало два документа.

Один сокращал её армию до полутора тысяч человек.

Другой отдавал власть.

Между ними сто километров и несколько часов.

ОСЕНЬ

Двадцать четвёртого сентября двадцатого года Турция начала войну против Республики Армения.

Тридцатого октября пал Карс. Седьмого ноября сдан Александрополь. К концу ноября турецкие части стояли на подступах к Эчмиадзину.

ЧЕТВЕРО

Про Карс отдельно, потому что об этом почти не пишут.

Турецкий командующий на запрос о прекращении огня потребовал сначала отвести армянские войска на значительное удаление от крепости и дать турецким войскам беспрепятственно войти в город.

Пришёл приказ: немедленно прекратить военные действия и принять условия.

Крепость, которую в семьдесят седьмом брали ночным штурмом, отдали без единого залпа. Гарнизон вышел вместе с двадцатью тысячами жителей города. Шесть тысяч уйти не успели — по данным Симона Врацяна, они были убиты или взяты в плен.

Всё командование фронтом сдалось.

Кроме четверых.

Патрульный крепости полковник Мелик-Овсепян. Азарпет Чилингарян. Командир батареи Багратуни. Командир Первого полка полковник Мазманын — этот застрелился двумя выстрелами из маузера.

Я не буду их обсуждать. Обсуждать надо не их.

Офицеру, которому приказано отвести полк и впустить противника в крепость без выстрела, не оставили ни одного действия, кроме одного. Четверо выбрали одинаково и в одни часы. Так не поступают поодиночке и от растерянности — так поступают по общему правилу, которое продолжало работать после того, как перестала работать власть.

Их не победили. Им не дали боя.

КАК ЭТО ВЫГЛЯДЕЛО В НОЯБРЕ

Теперь по неделям, потому что иначе непонятно, чем был выбор второго декабря.

Третье ноября. Правительство Армении предлагает перемирие. Карабекир отвечает условиями: сдать Александрополь, передать под турецкий контроль железные дороги и мосты, отвести армянские части на пятнадцать километров к востоку от реки Ахуран.

Шестое ноября. Меньшевистская Грузия объявляет о нейтралитете и отказывается помогать.

Седьмое ноября. Турки занимают Александрополь. Карабекир немедленно предъявляет требования более жёсткие, чем те, на которые уже согласились.

Двенадцатое ноября. Взята станция Агин. Наступление разворачивается на Ереван.

Восемнадцатое ноября. Перемирие подписано вынужденно.

Двадцать второе ноября. Чичерин назначает Буду Мдивани посредником на переговорах. Турецкая сторона отказывается признавать посредничество.

Двадцать третье ноября. Армянская делегация выезжает в занятый турками Александрополь.

Посредника не допустили. Союзников не было — Грузия объявила нейтралитет, Антанта прислала оружие и небольшой заём, а больше ничего. Армия рассыпалась после Карса: отступление, сказано в сводках, приняло беспорядочный характер.

За спиной делегации стояла столица, до которой турецким частям оставалось несколько переходов.

ФОРМУЛИРОВКА, КОТОРУЮ СТОИТ ПРОЧЕСТЬ ДОСЛОВНО

В ультиматуме второго декабря Карс и Сурмалу объявлялись спорными территориями «до референдума», а Карабах и Нахичевань переходили под мандат Турции — **до окончательного решения их статуса**.

Я привожу эту формулу как она есть, без нажима.

Замечу только, что люди, читавшие её второго декабря двадцатого года в занятом Александрополе, помнили пятнадцатый год. И понимали слово «окончательное» не так, как понимают его юристы.

ЗАНГЕЗУР

В горах Сюника в это время держался отряд Гарегина Нжде — он не признал ни соглашений, ни того, что происходило в Ереване, и вёл партизанскую войну в Капане, Мегри и Сисиане до июля двадцать первого года. Потом ушёл в Персию.

Его военная роль в те месяцы была реальной, и я её не отрицаю.

Скажу другое, потому что сказать это надо здесь и один раз. Человек, стоявший в двадцатом году в сюникских горах, через двадцать с лишним лет окажется в Берлине — в структурах, работавших на нацистскую Германию, с расовой доктриной собственного сочинения. Той самой, что делит людей по крови.

Как одно превратилось в другое — не тема этого сезона. Но знать об этом надо **до** того, как имя произносится с придыханием, а не после.

Особенно в сезоне, который весь про то, что бывает, когда людей начинают считать по крови.

ВТОРОЕ ДЕКАБРЯ, АЛЕКСАНДРОПОЛЬ

Делегация Александра Хатисяна подписала с командующим турецким Восточным фронтом Кязымом Карабекиром договор.

Аннулирование Севрского договора. Передача Турции Карсской области и Сурмалинского уезда. Турецкий протекторат над Шарур-Нахичеванским районом. Разоружение армянской армии до полутора тысяч человек. Отзыв армянских дипломатических миссий из Европы и США.

На последнем пункте задержитесь — он не территориальный.

Договор предписывал отозвать представительства из тех самых столиц, чьи решения — Севр, вильсоновский арбитраж, обещание американского мандата — составляли всё содержание внешней политики республики за два года.

Ставка, сделанная в восемнадцатом, ликвидировалась пунктом договора, подписанного под угрозой штурма Еревана.

Полномочия делегации Хатисяна на момент подписания были технически недействительны: правительства, её направившего, к этому часу уже не существовало.

ВТОРОЕ ДЕКАБРЯ, ЕРЕВАН

В тот же день в Ереване Борис Лигран, генерал Дро в качестве временного военного диктатора и Хамбардзум Тертерян подписали соглашение о передаче власти Военно-революционному комитету.

Двадцать девятого ноября части Одиннадцатой армии вошли в Иджеван. Продвижение шло практически без сопротивления.

Соотношение двух документов не требует толкования.

Один отдавал территорию, разоружал армию до полутора тысяч человек и закрывал представительства.

Другой менял форму власти и останавливал турецкое продвижение, стоявшее у Эчмиадзина.

Первый подписан правительством, действовавшим два с половиной года и располагавшим международным признанием де-факто с двенадцатого января двадцатого года.

Второй — теми, кого это признание не касалось.

ЦИФРЫ, КОТОРЫЕ РЕСПУБЛИКА СООБЩИЛА О СЕБЕ САМА

Теперь то, ради чего материал написан.

Население Республики Армения:

Миллион двести шесть тысяч человек в восемнадцатом. Девятьсот шестьдесят одна тысяча семьсот в девятнадцатом. Семьсот восемьдесят тысяч к двадцать первому.

По данным собственного министерства внутренних дел республики, к лету девятнадцатого года от сыпного тифа и голода умерло около ста девяноста двух тысяч человек. Свыше сорока тысяч детей находились в приютах — без топлива, хлеба и медикаментов.

Это не оценка противника. Не позднейшая историография. Не советская статистика.

Это государство, сообщающее само о себе.

Треть населения за три года. Из них сто девяносто две тысячи — не от пуль.

ЦЕНА, КОТОРУЮ Я НЕ СМЯГЧАЮ

Теперь то, что работает против меня, и я это скажу без обхода.

Границы по Московскому договору шестнадцатого марта двадцать первого года определялись двусторонним соглашением Москвы и Анкары. Народный комиссар иностранных дел Армении Александр Бекзадян не был допущен турецкой стороной к официальным заседаниям и получил статус стороннего наблюдателя.

Утверждать, что республика, чей представитель на переговорах о её собственных границах имел статус наблюдателя, была на этих переговорах субъектом, невозможно. Я этого и не утверждаю.

Но сопоставлять надо не с желаемым, а с тем, что было подписано второго декабря.

Карс и Сурмалу: переданы по Александрополью — переданы и по Карсскому договору. Александрополь-Гюмри: под турецким контролем — возвращён. Армия: полторы тысячи человек — ограничение снято. Дипломатические миссии: отозвать — ограничение снято. Зангезур: не оговорён — сохранён.

Утраченное было утрачено раньше и другой подписью. Возвращённое возвращено этой.

И ВТОРОЕ, ЧТО ПРОТИВ МЕНЯ

В феврале двадцать первого в Армении произошло вооружённое выступление против ревкома. Оно имело почву: продовольственная развёрстка и репрессивная практика в стране, потерявшей за три года треть населения, были несоразмерны обстановке.

Выступление подавили.

Существеннее реакция. В апреле республику возглавил Александр Мясникян, участникам объявили амнистию, продовольственную политику пересмотрели.

Я привожу это не как оправдание, а как факт о механизме, и вернусь к нему в последнем материале сезона.

ОТ СЕБЯ

Александрополь сдали седьмого ноября двадцатого года.

Перед взятием города Карабекир направил градоначальнику письмо: жители могут оставаться на местах, бояться должны только беженцы и дашнаки.

В городе в это время находился крупнейший в мире сиротский приют. Тридцать тысяч детей.

Все они были беженцами.

Моему деду было четырнадцать.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Через два с половиной месяца Красная армия перейдёт грузинскую границу, и оборону Тифлиса будут вести пять генералов русской императорской армии.

Об этом — послезавтра.

Восемнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — сто шестьдесят юнкеров на коджорском направлении и тридцать семь с половиной тысяч штыков против них.

Сто шестьдесят юнкеров

№ в серии: 130 из 233 · № в сезоне: 19 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 30.05.2027 · ЖЖ: 30.05.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Несокрушимая и легендарная

На коджорском направлении столицу защищали сто шестьдесят юнкеров и триста пятьдесят кадетов при четырёх орудиях.

Против них шло тридцать семь с половиной тысяч штыков.

СРОК, КОТОРЫЙ ИСТЁК

В октябре двадцатого года, на фоне турецко-армянской войны, Грузия заняла Лорийскую нейтральную зону — ту самую среднюю часть Борчалинского уезда, что с января девятнадцатого была под британским комиссаром.

Основание заявили оборонительное.

Тринадцатого ноября двадцатого года армянское правительство дало согласие на временную девяностодневную оккупацию.

Девяносто дней от тринадцатого ноября истекали одиннадцатого февраля двадцать первого года.

Войска зоны не оставили и продвинулись глубже, заняв Джалал-оглы и Воронцовку — населённые пункты, армянский состав которых не оспаривала ни одна сторона и который был зафиксирован ещё британским разделом девятнадцатого года.

Четвёртый случай в сезоне. Мера вводится под конкретную угрозу и на конкретный срок, срок истекает, мера остаётся.

Ахалкалаки, занятый в июне восемнадцатого против турок. Генерал-губернаторство, утверждённое в январе девятнадцатого как временное. Батумская область, выделенная «до решения конференции». Лорийская зона, занятая на девяносто дней.

Ни одна не была отменена по исчерпанию основания. Все были отменены только силой.

РЕШЕНИЕ, КОТОРОЕ ДВАЖДЫ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Хронологию подготовки операции приведу полностью, потому что она опровергает представление об автоматизме.

Предложение Кавбюро о вступлении в Грузию отклонялось Пленумом ЦК дважды. Последний раз — двенадцатого января двадцать первого года.

Согласие Ленина было получено четырнадцатого февраля.

Между вторым отклонением и согласием — тридцать три дня, в течение которых истёк девяностодневный срок.

Шестнадцатого февраля Сталин направил Орджоникидзе телеграмму, где операция позиционировалась как поддержка повстанцев нейтральной зоны, со взятием Тифлиса «если это по военным соображениям необходимо».

Условная модальность в директиве такого уровня — факт документа, и я его привожу как факт.

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое февраля в Лорийском уезде началось выступление против грузинской администрации. Версия о его организации извне ходит по мемуарной и обзорной литературе; документа, который её устанавливал бы, у меня нет, и закрывать этот вопрос я не буду.

Установлено другое: выступление началось на территории, срок оккупации которой истёк накануне, среди населения, чью принадлежность к Армении признавал британский раздел девятнадцатого года.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

Шестнадцатого февраля двадцать первого года части Одиннадцатой армии перешли Храми по Красному мосту у села Шулаверы.

В тот же день грузинское командование сменило главнокомандующего: генерала Илью Одишелидзе заменил генерал Георгий Квинитадзе.

Смена главкома в день перехода границы противником — характеристика состояния командной вертикали, которая не нуждается ни

в какой оценке.

ОБОРОНА

С восемнадцатого по двадцать четвёртое февраля столицу обороняли по трём секторам.

Орхеви — генерал Джиджихия: четыреста кавалеристов, двести пятьдесят новобранцев, одна батарея.

Соганлугский фронт — генерал Георгий Мазниашвили: около двух с половиной тысяч штыков.

Табахмела — Коджори — князь Андроникашвили: сто шестьдесят юнкеров и триста пятьдесят кадетов, четыре орудия.

Соотношение сил в целом: пехота тридцать семь с половиной тысяч против одиннадцати тысяч. Кавалерия четыре тысячи триста против четырёхсот. Артиллерия сто девяносто шесть орудий против сорока шести. Бронепоезда семь против четырёх.

Двадцать пятого февраля части Одиннадцатой армии вступили в Тифлис.

ПЯТЬ ГЕНЕРАЛОВ

Теперь то, что я обещала в пятнадцатом материале.

Илья Одишелидзе — генерал-лейтенант русской императорской армии. Георгий Квинитадзе — генерал-майор русской императорской армии. Георгий Мазниашвили — подполковник русской императорской армии, кавалер ордена Святого Георгия четвёртой степени. Генерал Кониашвили, взятый в плен в Гаграх в феврале девятнадцатого. Генерал Цулукидзе, выводивший части из Садахло в декабре восемнадцатого.

Все пятеро сделаны той армией, чей уход они пережили.

И вот замковая деталь всего сезона.

Илья Зурабович Одишелидзе принял общее командование национальными корпусами Закавказья шестого декабря семнадцатого года

— по тому самому декрету Закавказского комиссариата, с которого началась эта история.

Он был отстранён от должности главнокомандующего шестнадцатого февраля двадцать первого года — в день, когда Красная армия перешла Храми.

Тридцать восемь месяцев между двумя датами.

Весь сезон умещается в одну служебную биографию.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИМИ ПОТОМ

Мазниашвили вернулся в советскую Грузию и был расстрелян в тридцать седьмом.

Квинитадзе уехал. Умер в семидесятом году в Шату под Парижем. В эмиграции занимался производством и продажей мацони.

Это не насмешка. Это измерение.

Генерал русской армии, георгиевский кавалер, командовавший обороной столицы, сорок девять лет прожил под Парижем на молочном производстве.

Вот чем оказался суверенитет без гаранта для тех, кто его защищал.

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ И ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Теперь арифметика, ради которой материал стоит именно здесь.

Двенадцатого января двадцатого года Верховный совет Антанты по представлению лорда Керзона признал де-факто правительства Грузии и Азербайджана.

Основание Керзон назвал прямо, и оно занесено в протокол: указанные государства являются решительно антибольшевистскими.

Не устойчивость. Не способность защитить границу и население. Не итоги плебисцита.

Враждебность к Москве.

Двадцать восьмого апреля двадцатого года — через три месяца и шестнадцать дней — власть в Баку передана.

Второго декабря — через десять месяцев и двадцать один день — власть в Ереване передана.

Двадцать пятого февраля двадцать первого — через тринадцать месяцев и тринадцать дней — Красная армия в Тифлисе.

Признание, выданное по признаку враждебности к Москве, стоило ровно столько, сколько сохранялся интерес у того, кто его выдал.

КУДА УШЛО ПРАВИТЕЛЬСТВО

Правительство республики отошло в Батум — и одиннадцатого марта пригласило туда турецкие войска. Про это был тринадцатый материал.

Девятнадцатого марта в город вошла Восемнадцатая кавалерийская дивизия Жлобы.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Осталось три материала.

Послезавтра — про шестнадцатое марта двадцать первого года. В этот день были подписаны два документа: один в Москве, другой в Лондоне.

И тот, кто подписал лондонский, вычеркнул Грузию из списка собственных требований.

Девятнадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — шестнадцатое марта двадцать первого года: договор в Москве и договор в Лондоне, подписанные в один день.

Шестнадцатое марта

№ в серии: 131 из 233 · № в сезоне: 20 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 01.06.2027 · ЖЖ: 01.06.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России, Рука Москвы

Шестнадцатого марта двадцать первого года были подписаны два документа.

Один в Москве — с Анкарой.

Другой в Лондоне — с Москвой.

ИГРА, КОТОРАЯ ШЛА СТО ЛЕТ

Прежде чем разбирать эти два дня, надо назвать, что вообще происходило на этой земле весь предыдущий век.

Гюлистан, тысяча восемьсот тринадцатый. Туркманчай, двадцать восьмой. Берлинский конгресс, семьдесят восьмой. Разграничение сфер влияния, девятьсот седьмой.

Сто лет Россия и Британия занимали позиции на одном и том же театре — от Персии до Кавказа и дальше на восток. Это называли Большой игрой, и название точное: сменялись фигуры и правительства, предмет не менялся никогда.

В восемнадцатом — двадцатом годах Британия впервые получила то, чего добивалась столетие.

Русский замок с южного рубежа был снят. Не ею — своими руками, декретом шестого декабря. Но снят.

И на его место встали: британский военный губернатор в Батуме, британский комиссар в Борчалу, британская санкция над генерал-губернаторством в Карабахе, британские линкоры, определяющие, где пройдёт русская граница на Чёрном море, и признание, выданное трём правительствам по прямо названному основанию — что они антибольшевистские.

Никогда прежде за сто лет этого не было.

ЧТО ПОДПИСАЛИ В МОСКВЕ

Договор с правительством Великого национального собрания Турции.

Батум возвращён Грузии. Карсская область и Сурмалинский уезд закреплены за Турцией. Статья III выделяла Нахичеванский уезд в автономную территорию под покровительством Азербайджана — на условии, что Азербайджан ни при каких обстоятельствах не уступит этот протекторат третьей стороне.

Про статус Бекзадяна я написала в восемнадцатом материале и повторять не буду. Он там назван прямо и не смягчён.

Тринадцатого октября двадцать первого года подписали Карсский договор — между Великим национальным собранием Турции и тремя закавказскими советскими республиками при участии РСФСР.

Одна процедурная деталь оттуда стоит упоминания.

Азербайджанский представитель Бехбуд Шахтахтинский настоял на подписании единого коллективного договора вместо трёх отдельных. Для Еревана это означало невозможность вести отдельный спор по границам, и это надо сказать прямо.

Но означало и другое.

Впервые с мая восемнадцатого года три закавказские республики выступили во внешнем договоре как одна сторона.

За три предшествующих года каждая подписывала внешние соглашения порознь и всякий раз за счёт соседа. Батум четвёртого июня восемнадцатого — три отдельных текста. Александрополь второго декабря двадцатого — Армения одна. Признание двенадцатого января двадцатого — двое из трёх.

Карс — первый документ периода, где три подписи стоят рядом.

ЧТО ПОДПИСАЛИ В ЛОНДОНЕ

В тот же день, шестнадцатого марта двадцать первого года, Леонид Красин и Роберт Хорн подписали англо-советское торговое соглашение.

Переговоры о нём шли с двадцатого года. Среди требований, выдвигавшихся Ллойд Джорджем в их ходе, значилось прекращение поддержки враждебных Англии выступлений в Малой Азии, Иране, Афганистане, Индии и Грузии.

Двадцать третьего марта Ллойд Джордж заявил в палате общин, что соглашение означает фактическое признание Советской России.

СЛОЖИТЕ ДАТЫ

Двенадцатого января двадцатого года Антанта признала Грузию и Азербайджан де-факто — на том основании, которое я приводила в прошлый раз: они решительно антибольшевистские.

Двадцать пятого февраля двадцать первого года Красная армия вошла в Тифлис.

Шестнадцатого марта — через девятнадцать дней — держава, внёсшая то представление, подписала соглашение с теми, против кого признание было выдано.

Грузия фигурировала в этих переговорах не как признанное государство, а как пункт в перечне мест, где следует прекратить враждебную деятельность.

О её восстановлении речи не шло ни в соглашении, ни в заявлении премьера.

Признание, выданное по признаку враждебности к Москве, было обменено на признание Москвы.

РАУНД

К шестнадцатому марта двадцать первого года на театре не осталось ни одного из институтов, перечисленных в начале этого материала.

Британского губернатора в Батуме нет — область передана в июле двадцатого, Батум возвращён Грузии договором. Британского комиссара в Борчалу нет. Санкции над Карабахом нет. Линкоров, определяющих

русскую границу на Чёрном море, нет. Признания, выданного по антибольшевистскому признаку, нет — оно снято молчанием.

Раунд Большой игры, шедший на этой земле со времён Гюлистана и Туркманчая, закрыт.

Закрыт не декларацией и не победным сообщением.

Датой на английском документе.

Держава, полтора года державшая в Закавказье дивизию, флотилию и трёх подопечных, вычеркнула последнего подопечного из списка собственных требований и признала того, кого пришла уничтожить.

ЧЕГО Я НЕ УТВЕРЖДАЮ

Что это было предрешено.

Что тот, кто выиграл, действовал из бескорыстия.

Что цена не была заплачена — она названа в восемнадцатом материале, и я её не смягчала.

Утверждаю проверяемое.

Ни одна граница, установленная в девятнадцатом и двадцатом годах решением конференции, не пережила трёх лет. Ни смирнская, ни севрская армянская, ни карсская, ни батумская, ни борчалинская.

Единственные границы того периода, стоящие по сей день, установлены между шестнадцатым марта и тринадцатым октября двадцать первого года — договорами, за которыми стояла физическая сила на местности.

Река Псоу — исключение. Её провёл британский ультиматум. Но и она проведена не в пользу того, кто ультиматум выдвигал.

ЧТО ПОЛУЧИЛИ РЕСПУБЛИКИ

Скажу отдельно, потому что иначе выйдет, что счёт вели только две державы.

Батум вернулся Грузии — тот самый порт, который её собственное правительство одиннадцатью днями раньше передало туркам.

Зангезур остался за Арменией. Ограничение армии в полторы тысячи человек было снято.

Нахичевань получила автономию с оговоркой, запрещавшей передачу протектората третьей стороне, — то есть с гарантией от повторения восемнадцатого года.

Ни одна из трёх республик не получила того, чего хотела. Но каждая получила больше, чем имела второго декабря двадцатого года, и это единственное сопоставление, которое имеет смысл.

И ОДНО НА БУДУЩЕЕ

Через двадцать четыре года, в сорок пятом, попытка отыграть южный рубеж будет предпринята ещё раз — уже с другой стороны и по другому поводу.

Она тоже не удастся.

Но это другой сезон, и он у нас уже был.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Осталось два материала.

Они про тех, кто вернулся. И про моего деда — целиком, от Ароса до конца.

Послезавтра, третьего июня.

Двадцатый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — те, кто вернулся: архитектор, художник, композитор — и город, которого почти не было.

Кто вернулся

№ в серии: 132 из 233 · № в сезоне: 21 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен: 03.06.2027 · ЖЖ: 03.06.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России

В двадцать первом году в Ереван вернулся архитектор.

Потом художник. Потом композитор.

Города, в который они возвращались, почти не было.

СНАЧАЛА — ТО, ЧТО ПРОТИВ НАС

Финал сезона я начну с того, что работает не в мою пользу. Иначе всё дальнейшее не будет стоить ничего.

В феврале двадцать первого года в Армении произошло вооружённое выступление против ревкома. Власть в Ереване на несколько недель перешла к Комитету спасения родины.

У выступления была почва.

Продовольственная развёрстка и репрессивная практика первого ревкома в стране, потерявшей за три года треть населения, были несоразмерны обстановке. Люди, пережившие геноцид, тиф, голод и войну, получили от новой власти реквизиции.

Выступление подавили.

Это я написала не для приличия. Это надо было написать, потому что сезон, доказывающий, что восстановление было благом, обязан предъявить случай, где восстанавливавшая сторона ошиблась.

ТЕПЕРЬ — ЧТО ПРОИЗОШЛО ДАЛЬШЕ

В апреле двадцать первого года руководство советской Армении возглавил Александр Мясникян.

Объявили амнистию участникам выступления.

Развёрстку в закавказских республиках заменили налогом — раньше, чем в РСФСР.

Политику скорректировали директивно, сверху, за два месяца.

Голод остановили. Начали репатриацию.

СРАВНИТЕ

Теперь положите это рядом с тем, что было в сезоне.

Британское командование не отменило январского назначения после Кайбаликенда — а донесение о том, что из семисот жителей осталось девяносто восемь, написала его собственная миссия.

Дашнакское правительство не пересмотрело ставку на Антанту после Севра — и подписало Александрополь.

Грузинское правительство не оставило Лорийскую зону по истечении девяноста дней — и получило Красный мост шестнадцатого февраля.

Ни одна из конструкций, действовавших на этом театре с восемнадцатого года, не обнаружила способности отменить собственное решение.

Вопрос не в том, кто не ошибался. Ошибались все.

Вопрос в том, кто оказался способен ошибку отменить.

Способность к самокоррекции — признак субъекта. Её отсутствие — признак исполняемой функции.

КТО ВЕРНУЛСЯ

Александр Таманян — архитектор, автор генерального плана Еревана.

Мартiros Сарьян — художник.

Александр Спендиаров — композитор.

ГОРОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В третьем материале я писала, чем был Ереван в начале века: захолустный губернский город с небольшим армянским перевесом, без университета, без промышленности, без капитала. Настоящая армянская жизнь империи шла в Тифлисе и Баку, а исторический центр остался у турок и был уничтожен.

И вот в этот остаток приезжает архитектор и получает задание построить столицу.

Не расширить. Не благоустроить. **Построить** — на месте, где её не было.

Таманян положил на карту круговой бульвар, лучевые проспекты, площадь в центре, каскад к горе. Широкие улицы. Зелёные бульвары. Площади с фонтанами. Розовый туф, из которого город сложен весь, до последнего дома.

Памятники ставили не абстракциям, а людям: полководцам, учёным, поэтам, композиторам, тем, кто это всё сделал.

Народ, у которого за шесть лет до того не было ни центра, ни столицы, ни трети населения, получил город, спроектированный целиком, от первой линии до последнего фонтана.

КТО ХОЧЕТ ПОСМОТРЕТЬ, КАК БЫЛО

В пятнадцать минутах ходьбы от центра Еревана есть район Конд.

Его не тронули. Он стоит как стоял — кривые проулки, глухие стены, лестницы в никуда, дома друг на друге. Фавелы в пятнадцать минутах от проспекта.

Это и есть Ереван начала двадцатых. Тот самый город, в который приехал Таманян.

Сходите и сравните. Двух кварталов хватит, чтобы понять, о чём весь этот сезон.

КАСКАД

Отдельно про одну вещь из таманяновского плана, потому что она стоит на виду и объясняет больше любого текста.

Каскад — гигантская лестница от центра к горе — задуман был ещё в том, первоначальном плане начала века. Строили его десятилетиями, долго, с перерывами.

Он практически достроен. По нему поднимаются, на нём сидят, под ним музей и площадь со скульптурой.

Кроме последнего блока.

Там, наверху, стройка остановилась вместе с распадом Советского Союза. Котлован, вырытый под завершение, так котлованом и остался.

Тридцать с лишним лет.

Проект начали при одном государстве, вели при другом, и не закончили, потому что второго не стало. Верхняя ступень — ровно та точка, где кончилась страна, которая эту лестницу строила.

Лучшего памятника содержанию этого сезона я не знаю, и его никто специально не ставил. Он получился сам.

КАК ТАМ СЕЙЧАС

Скажу прямо, потому что иначе выйдет неправда, а неправды в этом сезоне я стараюсь не допускать.

Ереван прекрасен.

Он не приходит в запустение и не разрушается. Он хорошеет — на той самой старой основе. Появляются новые значимые здания, растут новые районы, город живёт и строится.

Таманьяновский костяк работает через сто лет после того, как был начерчен. Это, вообще говоря, высшая оценка, какую может получить градостроитель.

ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УХОДИТ

Уходят не дома. Уходят имена.

Улицы, названные в честь тех, кто этот город построил и защитил, переименовывают — под текущую политическую погоду.

И надо честно сказать: это не армянская особенность. Так делают по всему постсоветскому пространству, от Прибалтики до Средней Азии, и Ереван тут не первый и не худший.

Оттого не легче.

Скажу как есть, это моя позиция, и я её не прячу.

Когда у народа есть целый пантеон настоящих героев — созидателей, полководцев, строителей, поимённо известных и документально подтверждённых, — придумывать вместо них новых, абстрактных и удобных, незачем.

Разве что затем, чтобы забыть, кто на самом деле построил.

И О ЦЕРКВИ

Ещё одна вещь, без которой картина неполна.

Про то, что для армян вера не совсем то же, что культ, я писала в третьем материале. Это часть истории народа: письменность, алфавит, книги, монастыри, четыре века без государства при живой церкви.

С этим считались все власти, какие тут были.

Католикосы в советской Армении жили как бы в собственном измерении. Их не трогали и с ними не спорили; они были безусловно уважаемы и почти не соприкасались с текущей политикой. Ни одна из сторон не пыталась поглотить другую — обе понимали, чем это кончится.

И одна деталь, которая говорит сама.

Нынешний глава Армянской апостольской церкви родился двадцать первого августа пятьдесят первого года в селе Воскеат Эчмиадзинского района Армянской ССР. В миру — Ктрич Григорьевич Нерсисян.

Он первый со времён Нерсеса Пятого, то есть с сороковых годов позапрошлого века, католикос — уроженец этой земли. Его предшественники родились в Бухаресте и в сирийском Кесабе. Диаспора, изгнание, чужие города.

А он родился дома.

Отец — Григор Нерсисян, вернулся с фронта с боевыми наградами, работал в колхозе. Мать — Хатун Микаэлян.

Двенадцатого марта двадцать второго года в Тифлисе учредили Федеративный Союз социалистических советских республик Закавказья. Тринадцатого декабря того же года первый Закавказский съезд Советов

преобразовал его в ЗСФСР. Тридцатого декабря она вошла в состав СССР как одна из республик-учредителей.

ЧЕМ ЭТО СТАЛО К КОНЦУ ВЕКА

Одна строка, чтобы масштаб был виден.

Народ, у которого в двадцать первом году не было ни центра, ни столицы, ни трети населения, к концу советского периода имел академию наук, университеты, институты, обсерваторию на Арагаце, атомную станцию, машиностроение и электронику.

И население, выросшее с семисот восьмидесяти тысяч до трёх с лишним миллионов.

Это не апология и не пропаганда. Это перепись.

СЧЁТ

С января восемнадцатого по март двадцать первого на территории трёх закавказских республик произошло не менее шести вооружённых конфликтов между ними и с внешними силами.

Разоружение эшелонов. Март и сентябрь в Баку. Армяно-грузинская война. Карабах и Зангезур. Черноморское побережье. Турецко-армянская война.

С марта двадцать второго по февраль восемьдесят восьмого — ни одного.

Шестьдесят шесть лет.

Механизмы, служившие основанием войны, устранили не примирением. Их устранили изъятием средства.

Губернская граница перестала быть линией фронта, потому что стала внутренней. Отдельные внешние договоры за счёт соседа стали невозможны, потому что внешние сношения отошли союзному уровню. Армии, применявшиеся друг против друга, перестали существовать порознь. Таможенные линии между республиками исчезли. Конкурирующие делегации на конференциях сменились одной стороной.

Апелляция к внешнему покровителю против соседа сменилась апелляцией к вышестоящей инстанции внутри общего государства.

Карабахский спор не разрешили. Его перевели — из плоскости, где спорят сожжённым городом, в плоскость, где спорят постановлением, которое можно пересмотреть постановлением.

Обе стороны сохранили несогласие.

Ни одна не применила силу шестьдесят семь лет.

ЧТО ДАЛЬШЕ

Остался один материал. Он про одного человека.

Послезавтра.

Двадцать первый материал сезона «Закавказье без России», всего 22. В следующий раз — четвёртое имя, которого не знает никто, кроме своих.

Четвёртое имя

№ в серии: 133 из 233 · № в сезоне: 22 из 22 · Сезон: 11 «Закавказье без России» · Дзен:
05.06.2027 · ЖЖ: 05.06.2027 · Теги: Историческая Россия, Закавказье без России,
Несокрушимая и легендарная

Таманяна, Сарьяна и Спендиарова знают все. Их именами названы улицы.

Я назову четвёртое имя, которого не знает никто, кроме своих. Оно принадлежит человеку, у которого в девять лет не осталось ни дома, ни родителей, ни языка страны, куда его привезли, — и который умер заведующим кафедрой.

КТО ЭТО

Тигран Алексанович Алексанян. Тысяча девятьсот шестой — тысяча девятьсот семьдесят седьмой.

Родился в селе Арос, Хнусская каза, Эрзерумский вилайет Османской империи. Отца звали Алексан, он был строителем; фамилия образована от имени отца.

Точной даты рождения у меня нет. Прижизненная «Философская энциклопедия» даёт шестое (восемнадцатое) апреля, военный учёт — двадцатое, третий источник — четырнадцатое. Выбирать наугад не буду: апрель тысяча девятьсот шестого, число спорно.

Хнус — одна из десяти каз Эрзерумского санджака. К пятнадцатому году от четырёхсот тысяч армян вилайета оставалось около двухсот трёх тысяч. Оставшихся разделили на пять караванов и угнали на юг.

Ему было девять.

ЧЕРТА, КОТОРУЮ Я ПРОВОЖУ СРАЗУ

Деревню сожгли, жителей перед этим согнали в сарай. Он вышел на дорогу и не знал, к кому выходит. Русского не знал — кроме одного слова. Его подобрал казачий разъезд и отвёз в Александрополь.

Всё, что в этом абзаце, — семейная память. Ни протокола, ни списка, ни карточки под ним нет. Я предъявляю это как свидетельство, а не как источник.

Родных он нашёл случайно и много позже.

Дальше начинается то, что проверяется.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬ

Приют основал в тысяча девятьсот девятнадцатом году Американский комитет помощи Ближнему Востоку — Near East Relief. Развернули его на месте бывших военных посёлков Российской империи: «Казачий пост», «Северский», «Полигон». Совпадение первого названия с семейной памятью про казаков на дороге — только совпадение: посёлок назывался так задолго до того.

Всего Near East Relief провела через свои приюты сто тридцать две тысячи сирот.

Теперь документ.

Четвёртого января двадцать первого года доктор Э. А. Ярроу, директор кавказского отделения Near East Relief, пишет комиссару александропольского совета, почему американцы уходят. Причин три: подозрение, что за помощью стоит политическая интрига; угроза отобрать припасы силой; угроза персоналу тюрьмой и работами, прозвучавшая на третьем совещании.

В том же письме — цифра. На попечении двадцать тысяч детей. План был вести их лет десять, пока армянский народ не встанет на ноги и не заберёт их сам.

Двоих сотрудников, Брауна и Мартина, Ярроу оставляет — на «Казачьем посту».

Письмо написано ровно через месяц после второго декабря двадцатого года, о котором был восемнадцатый материал сезона.

ЧЕГО Я НЕ СКАЖУ

Что советское государство взяло сироту из приюта и сделало из него профессора.

Между пятнадцатым и девятнадцатым между этими детьми и смертью не стоял никто. Потом четыре года стояли американцы, на частные пожертвования. Потом приют перешёл в советскую систему. Персональной карточки воспитанника у меня нет, и последовательность была не такая.

Доказуемо другое, и оно сильнее: система, пришедшая на это место, довела человека с нулевой стартовой позицией до кафедры. И не одного: в том же приюте выросли Мушег и Санам Мкртчяны — родители Фрунзика и Альберта Мкртчянов.

МОСКВА

В июле тридцать первого на базе историко-философского отделения МГУ создали самостоятельный институт. Название «МИФЛИ» он получит позже; до тридцать четвёртого это Московский институт истории и философии.

Алексян окончил его в тридцать четвёртом. Преподавать начал с тридцать второго, в партии — с тридцатого.

В том же выпуске: Хачик Нишанович Момджян, Иосиф Аронович Крывелёв, Авксентий Егорович Мординов, Максим Павлович Ким, Николай Григорьевич Чванкин. Три доктора философии, академик АН СССР, вузовский руководитель. Один выпуск.

В тридцать первом в «Юном коммунисте» вышла статья «Ленин и Плеханов» за подписью Т. Алексяна и Р. Сапира — номер восьмой, страницы пятьдесят восемь — шестьдесят четыре. Рувим Абрамович Сапир позже возглавлял философскую кафедру Томского университета. Атрибуция сильная, но документа с раскрытым именем нет: оставляю вероятной, а не установленной.

Институт красной профессуры в семейной памяти есть. Не подтверждаю: ИКП и МИФЛИ — разные учреждения, их постоянно

путают, и ни одной бумаги об ИКП я не нашла.

С тридцать седьмого — директор издательства ЦК компартии Армении, с сорокового — заведующий кафедрой философии Ереванского медицинского института.

Кафедру пришлось оставить.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Десятого сентября сорок первого он поступил на военную службу.

Его направили преподавать в Московское Краснознамённое военно-политическое училище имени В. И. Ленина. В начале сорок второго училище эвакуировали в Шадринск и разместили в здании городской библиотеки.

В том же городе с июля сорок первого работал детский дом номер один, собранный из эвакуированного детдома Витебской области.

Человек, выросший в приюте для сирот одной войны, преподавал в городе, где открыли приют для сирот другой.

Он готовил политработников. Тех, кто шёл с ротами.

ЗАЩИТА

Тринадцатого ноября сорок пятого «Вечерняя Москва» напечатала объявление о публичной защите. Соискатель — Т. А. Алексанян, тема — «Борьба Ленина против русских махистов в вопросах социологии», дата — двадцать второе ноября. Оппоненты: профессор Яков Львович Харапинский и подполковник Фёдор Дмитриевич Хрустов, ровесник соискателя, будущий начальник кафедры Военно-политической академии.

Совет МГУ присудил степень четырнадцатого января сорок шестого, протокол номер один; диплом МФС номер восемьдесят восемь выдан восьмого октября сорок седьмого — через год и девять месяцев после решения.

Службу он закончил девятого марта сорок шестого, майором. То есть защищался на действительной службе, за три с половиной месяца до

демобилизации.

Одного я не знаю. С сентября сорок пятого училище работало уже в Ярославле, а защита была в Москве в ноябре. Где он числился эти полгода, по доступным мне документам не восстанавливается. Оставляю как есть.

КУДА ОН ВЕРНУЛСЯ

После войны — Ереван.

Слово «вернулся» тут неточное. Города, из которого он был родом, для него не существовало с пятнадцатого года; деревни не существовало вовсе. Возвращаться было некуда в прямом, географическом смысле.

Он приехал в город, которого тоже почти не было, — только этот построили заново, пока он учился в Москве.

Сорок шестой: директор Государственного издательства Армянской ССР. Пятьдесят первый: редактор армянского издания книги Г. Ревзина о Копернике. Пятьдесят четвёртый: доктор философских наук, сектор философии Академии наук Армянской ССР. Пятьдесят пятый: книга о прагматизме. Пятьдесят девятый: «Махизм и современная буржуазная философия» — и снова кафедра в мединституте, до конца жизни. Шестьдесят пятый: «Современная буржуазная социология».

По-армянски. В этом и была работа: человек, вывезенный в девять лет из горящей деревни, к шестидесяти читал в Ереване по-армянски о Джемсе и Дьюи — и делал это первым.

В семье и в справочниках есть орден «Знак Почёта». Ни указа, ни номера, ни наградного листа я не нашла. Называю и не засчитываю.

КВАРТИРА

В Москву приезжал нечасто и всегда останавливался в одной и той же квартире — в Брюсовом переулке, в доме, где мемориальные доски висят на фасаде одна под другой.

Эту квартиру я помню. Мебель русского модерна начала века, вещи послереволюционного авангарда, фарфоровые статуэтки времён индустриализации — рабочие, физкультурницы, лётчики. Сейчас я бы сказала: ар-деко.

И запах невероятного количества книг — тот, который ни с чем не спутаешь.

Чья это была квартира, мне не объясняли. Думаю, друзей его московской юности. Он ездил к ним десятилетиями.

ЧТО Я УТВЕРЖДАЮ

Дорога под Хнусом: девять лет, ни одного русского слова, кроме одного. Комната в Брюсовом переулке: книги до потолка, друзья, к которым ездят полжизни.

Между этими двумя точками — одна страна. Она называлась по-разному, но это была одна страна, и она его не бросила: накормила, выучила, дала степень, звание и кафедру.

Не потому, что была доброй. Весь сезон — про то, что доброты тут не было ни у кого.

Потому, что была так устроена: положение в ней давалось под работу и под тяжесть, а не по происхождению.

Слово для этого холодное и канцелярское: социальный лифт. Пользуюсь им сознательно. Тёплых слов тут не нужно.

КРУГ

А теперь то, о чём я молчала двадцать два материала.

Его вытащили из деревни, где людей согнали в сарай.

Через двадцать шесть лет то же самое начали делать на нашей земле, в наших деревнях, и вы знаете названия.

И человек, вытщенный оттуда в девять лет, с сорок первого по сорок шестой готовил политработников армии, которая шла эти деревни освобождать.

Я ставлю два факта рядом и оставляю их стоять.

РАЗНИЦА

Он умер в Ереване в тысяча девятьсот семьдесят седьмом, прожив семьдесят один год и застав обе половины армянского двадцатого века: сначала уничтожение, потом подъём, которого этот народ не знал за всю свою историю. Первую знают все — двадцать четвёртое апреля отмечают в тридцати странах. Вторую знают хуже, и сейчас её старательно забывают.

Я написала двадцать два материала, чтобы напомнить, кто её обеспечил.

И последнее, чего вы не знали.

Серию я начала материалом про Георгия Иосифовича Мартиросова — наркома внутренних дел Армянской ССР, исключённого из партии в пятьдесят пятом без ареста, следствия и суда. Он родился первого мая тысяча девятьсот шестого года в Тифлисе и в шестнадцать лет пошёл курьером в Особый отдел. Тигран Алексанович Алексанян родился в апреле того же года в селе Арос и в девять лет потерял всё.

Оба — мои родственники. Про первого я раскрыла это в первом материале, про второго раскрываю в последнем. Раскрытое родство не смягчает стандарт, а ужесточает его.

В первом материале сезона я написала одну фразу и обещала, что весь сезон будет про неё.

Разница между пятнадцатым и восемнадцатым годом была не в людях. Люди те же.

Разница в том, кто стоял между ними.

В феврале восемьдесят восьмого тот, кто стоял между ними, начал уходить снова.

Мы всё это видели второй раз. При своей жизни. Теми же способами и на тех же землях.

Это единственное, что я хотела сказать.

Двадцать второй, заключительный материал сезона «Закавказье без России». Сезон окончен.

СЕЗОН 12 · «ВОЖДИ И ИХ ЖЁНЫ»

Материалов в сезоне: 12 · **Сквозные № :** 134–145 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 07.06.2027 — 29.06.2027, через день · **Анонс сезона:** 06.06.2027 · *текст анонса не написан*